

ВОССТАВШИЙ

18+

ВИНОГРАДОВ МАКСИМ

Проводник в Ад

Максим Виноградов

Восставший

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Виноградов М. В.

Восставший / М. В. Виноградов — «ЛитРес: Самиздат»,
2020 — (Проводник в Ад)

Смерть — загадочная штука. Порой она забирает с собой шутя и небрежно, а иногда, в редких случаях — наоборот, отворачивается, будто брезгует принять жертву в объятия. В любом случае, это одна из немногих вещей, что заставляет задуматься и переосмыслить себя, собственные приоритеты, желания, цели. Нергал выжил... и изменился. Это уже далеко не тот легендарный убийца, что крошил врагов направо и налево. Он стал мудрее, сдержаннее, рассудительней. А может, просто постарел? Вот только волк остается волком, даже если какое-то время носит овечью шкуру...
Продолжение крутого криминального боевика в мире фэнтези и стимпанка.

Содержание

Пролог	5
Глава №1	9
Глава №2	16
Глава №3	21
Глава №4	26
Глава №5	30
Глава №6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Пролог

Океан бушевал, волны разбивались об утесы, белая пена взмывалась в воздух, покрывая каменные ступени с головой. Вал катился за валом, подгоняемый ледяным ветром. Мрачные тучи смотрели с неба, то ли собираясь разразиться дождем, то ли готовясь ударить молнией. Ветреная стужа грозила перерасти в бурю.

Несмотря на непогоду, вдоль побережья упрямо брела одинокая невысокая фигура. Юноша, возможно даже мальчик, шел вперед, угрюмо кутаясь в толстую телогрейку. Он шествовал по той тонкой грани, где снежные сугробы сходят на нет, побежденные мощью океана, но и волны пока не достигают близкого рубежа.

В руках паренька танцевал длинный шест, коим он то и дело взмахивал, то ли отгоняя духов, то ли воображая себя великим воином. Ноги ступали уверенно, сильно; волевой взгляд внимательно осматривал близлежащие скалы. Добротная поношенная одежда, явно с чужого плеча, надежно охраняла от холода.

Молодой Хенг аль Рабах, подрастающий воин кочевого племени северных бедуинов, взглянул на горизонт и невольно остановился, завороченный открывшимся зрелищем. Он и раньше неоднократно слышал от старейшин о громадной каменной стене, что именовалась Великой, но видеть это чудо юноше довелось впервые.

Высокая неприступная стена тянулась от самого моря и дальше, насколько хватало глаз. Хенг знал, что твердыня простирается до горной гряды, где смыкается с вековыми исполинами. Где-то посередине построен великий и непревзойденный Бастион, что ни разу не удалось взять штурмом никому из вождей.

«Когда-нибудь я покорю незыблемую твердыню!» – решил парень.

Но в глубине души он знал, что это не более чем наивные несбыточные детские мечты.

У побережья океана высилась грозная защитная башня, обрываясь высоченным уступом прямо в водяную бездну. Юноша напряг глаза, всматриваясь вдаль – ему показалось, что на верхушке величественного строения что-то сверкнуло. Раз и еще раз, потом над далеким камнем вспыхнул хорошо различимый огонь.

«Неужто чужаки дерутся промеж собой? – изумился Хенг, – Вот было бы здорово, если бы они перебили друг друга! Воины племени без труда бы забрались внутрь, а вождь Курах установил свой шатер прямо на стене, в назидание глупцам!»

Парень закончил осмотр достопримечательности и тихонько усмехнулся. Хоть он ни во что не ставил инородцев, однако, стоило признать, что преграду они выстроили отменную. И рассчитывать на их глупость отнюдь не приходилось. Возможно, эти чужеземцы трусы и слабаки, полагающиеся на неприступность стены вместо крепких рук и верного оружия, но они совсем не дураки, раз смогли соорудить нечто подобное.

Хенг невольно оглянулся. Где-то там, позади, укрытое за валунами и пологим холмом, раскинулось стойбище племени Огненной Руки. Мужчины устанавливают шатры, женщины разводят огонь, в котлах закипает вода, готовится сытная похлебка. Разведчики стремятся во все стороны, осматривая окрестности; воины стоят на страже ближайших подступов; даже малые дети помогают – кто смотрит за скотиной, кто собирает дрова, а кто добывает из-под снега съедобные корешки. Охотники наверняка вернулись с богатой добычей: несмотря на близость цивилизации в округе полно дикого зверья. Мяса и припасов теперь хватит на долгие дни пути.

Огненная Рука – сильнейшее и самое грозное племя подлунного мира! Гордое, многочисленное, могучее, кочующее по всему свету – от Великой Стены и до самого Края Земли, где

громадный континент пасует перед необъятным океаном. Занимались скотоводством, охотой, собирательством, не брезговали и разбоем, когда можно без особого риска забрать имущество у более слабых.

Курах рассказывал, что в былые времена Рука была еще многолюднее, их опасались все, от мала до велика. Грозная поступь воинов раздавалась от заброшенных южных пустынь до плоских средиземных степей, от северных гор до западных плодородных садов. Теперь же боги отвернулись от некогда великого племени, удача ушла стороной, постепенно народ мельчал, былая слава осталась уделом сказаний, что любят петь старики у вечерних костров.

Впрочем, Хенг не придавал этому особого значения. Он никогда не знал другой жизни, а потому не сокрушался о недостижимых вещах. Сирота, воспитанный племенем, парень был предан вождю и не задумываясь отдал бы за него собственную жизнь.

Он прошел вперед, внимательно всматриваясь в скалы, и, наконец, нашел то, что искал: небольшую бухточку, свободную от утесов. Здесь волны катились далеко на галечный берег, а потом убегали назад, оставляя после себя приношение суше. Океан будто собирал все лишнее, ему неинтересное, а затем вываливал сюда, в закрытую от посторонних глаз расщелину. Конечно, большая часть выброшенного волнами – бесполезный хлам и вонючая гниль, но, кто знает, может ведь попасться и кое-что ценное...

«Ищи там, куда другие даже не сунутся, – наставительно говорил Курах, отсылая юношу с заданием, – Только тот, кто терпелив, добивается победы!»

Вождь показал громадную жемчужину, едва уместившуюся в немаленькой ладони воина.

«Видишь? Эту красоту я нашел здесь, тридцать лет назад, когда был таким же юнцом, как и ты. Мой отец посылал меня на поиски и напутствовал теми же словами...»

Хенг смотрел на жемчуг, и его душа трепетала от восторга и предвкушения.

«Почему же ты не продал ее? – с восхищением спросил парень, – На черном рынке за такую, должно быть, можно выручить целое состояние!»

«Ты прав, она стоит гору золота, – с легкой улыбкой отвечал вождь, – Но жемчужина дорога мне как память... К тому же, продать никогда не поздно! Возможно, я еще так и сделаю...»

Хенг вспоминал богатство, хранящееся у вождя, с благоговением. Парень не признавался себе, но надеялся обнаружить на берегу моря нечто, если не столь же ценное, то хотя бы не менее прекрасное. Чтобы после возвращения воины поглядели на него с уважением, а Курах ободрительно хлопнул по плечу.

Конечно, вряд ли удастся найти вторую такую жемчужину, но сойдет и нечто более приземленное. Может быть купеческое судно, потерпевшее крушение, с трюмами, полными товаров? Или старинная амфора, выброшенная на берег причудливыми течениями? Сойдет за хорошую добычу даже один из громадных китов, что, по слухам, иногда сами выбрасываются на сушу.

Хенг притормозил, охватывая взглядом всю бухту целиком. И разочарованно вздохнул: разрушенных кораблей не наблюдается, как, впрочем, и больших рыб. Волны упрямо катились на пологий берег, вынося с собою только груды водорослей, сорванных недавним штормом. Над кучами гниющей зелени кружились галдящие чайки, в воздухе стоял противный аромат разложения.

Осторожно помогая себе палкой, юноша спустился по склону, оказавшись у основания скалистой стены. Хенг твердо решил, что перевернет весь мусор вверх дном, раз уж забрался в такую даль. Кто знает, вдруг именно под кучей гниющих водорослей его дожидается невероятное богатство?

С неодолимым энтузиазмом парень принялся за работу. Ловко орудуя шестом, он поддевал выброшенные на берег растения, откидывал в сторону гроздь гнили, переворачивал сгру-

дившиеся наносы. Машинально отмечал в голове мало-мальски ценные находки: несколько длинных ровных бревен; здоровенный металлический крюк, похожий на якорь; парочка ратерзанных тел морских котиков. Но чем дальше он углублялся во внутренности бухты, тем больше уставал, тем меньше надежды оставалось в задорных глазах паренька.

Хенг работал без устали чуть больше часа, перелопатил целую гору барахла, но так и не обнаружил сокровища. Теперь на лице юноши читалось явное разочарование. Похоже, вождь просто пошутил над молодым парнем, отправив приемного сына с глаз долой на заведомо бесполезное задание. Да еще придумал красивую сказку про якобы найденную жемчужину. Вот уж точно, история для наивных простачков!

Но, как бы то ни было, юноша решил довести дело до конца. Раз уж таков приказ, Хенг выполнит порученное от и до. Он брезгливо сплюнул, стараясь не вдыхать глубоко запах гнили. Аккуратно примерившись, перепрыгнул от одной разлагающейся кучи к другой.

Внимательному взгляду предстала гора водорослей, доходящая пареньку почти до пояса. Он обошел ее с боку, тыкая палкой во внутренности, в надежде обнаружить хоть что-нибудь отличное от гниющих растений. Но и тут надежды не оправдались – очередная пустышка. Лишь с другой стороны груды возвышался знатный шмат грязи, черной, как уголь.

«Чудные фигуры порой выстраивают море, ветер и земля», – подумал Хенг.

Странным образом склизкое месиво сложилось во вполне четкие очертания человеческого тела. Если бы только хоть у одного человека могла быть кожа, покрытая иссиня-черной коркой из обгоревших струпьев и испепеленной плоти. Юноша задумчиво покачал головой, ткнув шестом в грязевую скульптуру, оказавшуюся неожиданно твердой.

Ругнувшись, Хенг стукнул еще раз. И неожиданно отшатнулся, усевшись задницей на мокрые холодные камни. Потому что «скульптура» внезапно шевельнулась. То, что казалось «головой» грязевого наноса, открыло вполне человеческие глаза. И эти глаза светились мучительной болью, невероятным страданием и адской, непередаваемой ненавистью.

Парень в ужасе попятился, шебуриша ступнями по скользким камням. Сердце заколотилось барабанной дробью, дыхание ухало, в голове стучали молоты. Хенг вскочил и помчался назад, в стойбище, не разбирая дороги. Он летел так, что сверкали пятки. Птицей вспорхнул по крутому склону, быстрой ланью проскакал по самому краю отвесных утесов. Бежал, не считаясь с одышкой и навалившейся усталостью. Отяжелевшие ноги отдавались болью при каждом шаге, но юноша неслся, игнорируя сигналы изнуренного тела. А все потому, что Хенгу казалось, будто этот яростный взгляд все еще буравит спину, все еще пытается сжечь паренька ну или сожрать со всеми потрохами.

Он влетел в становище, промчался к шатру вождя, обессиленное тело рухнуло на землю у ног Кураха. Долгое время юноша не мог вымолвить ни звука – изо рта вырывалось лишь неимоверно быстрое сиплое дыхание. Встревоженный вождь присел рядом, протягивая приемному сыну пиалу с теплым чаем.

Но Хенгу было не до чая. Едва отдышавшись, он принялся рассказывать вождю об увиденном. Курах слушал, и по мере повествования его брови все больше хмурились, лицо наполнилось тягостным изумлением.

Несколько минут спустя вождь собрал десяток воинов, отряд мужчин направился по пути, указанному Хенгом. Сам молодой разведчик с трудом отважился вновь отправиться на побережье, страшая ярости морского чудовища.

Вооруженный отряд спустился в бухту, мужчины без труда обнаружили выброшенного морем незнакомца, бережно извлекли его из вонючих водорослей. Глаза пострадавшего больше не открывались, но все же он дышал, хоть и с заметным трудом.

– Почему он не умер? – тихо спросил Хенг, – Неужто с такими ранами можно жить?

Юноша смотрел на морского пришельца со смесью страха и жалости. Казалось, что незнакомец сгорел в адском пламени, да так, что не осталось ни единого куска живой кожи. Мышцы, мясо, сухожилия – огонь не пощадил ничего, добираясь в иных местах до самых костей. А сколько после этого человек провел в ледяном океане? Даже если он не умер от жара, не скончался от холода, как, во имя всех богов, ему удалось терпеть невыносимую боль?!

– Это человек с сердцем льва, – таким же низким шепотом ответил Курах, – Не чета... нам всем.

Смертельно раненного уложили на носилки, укрыв сверху легким одеялом. Притрагиваться к незнакомцу опасались – черная корка в местах касания разом трескалась, из свежих ран сочилась непривычно густая, мгновенно сворачивающаяся кровь.

Вождь старательно размышлял, глядя на неожиданный подарок моря. Он пытался решить, к чему бы это. Раненный, что по всем законам бытия давно должен был отправиться в загробный мир, но тем не менее упрямо цепляющийся за жизнь. Случайно обнаруженный молодым парнем, отправленным на малозначительное задание. Да, найденная когда-то жемчужина стала поистине подарком богов! Но как бы боги не запросили сдачу... Сгоревший человек, которого отказалась принимать преисподняя, вполне мог оказаться не даром, но проклятием.

К Кураxu подошел шаман – древний старик, невероятно крепкий для своих лет. Годы, казалось, не имели власти над Регом: когда вождь бегал мальчишкой, шаман уже был стар. И вот, волосы Кураха покрываются сединой, а Рег по-прежнему не уступит силой и выносливостью молодняку. Разве что еще больше поднабрался мудрости за прожитые годы.

– Не простое решение, вождь, – шаман сделал вид, что склоняет негнущуюся стариковскую спину, – Но сдастся мне, нужно отнести чужеземца в становище.

Курах всмотрелся в глаза старика, но тут не уступил, отвечая не менее пристальным взором.

– Думаешь, это разумно? Выживет ли бедолага?

– На все воля богов, – легко согласился Рег, пожимая широкими плечами, – Либо сдохнет, либо нет. Знаю одно: бросать его тут нам не стоит. Я думаю, это *профет и линдур нга дэти*. Отвезем в лесное святилище, а там – видно будет.

Вождь поморщился, но все же с неохотой кивнул. Четверо воинов схватились за поручни, легко подняв носилки в воздух, отряд двинулся в обратный путь с полуживой ношей.

Когда Рег отошел подальше, Хенг незаметно приблизился к вождю.

– А что такое «*профетилиндурэти*»? – безбожно коверкая незнакомые звуки спросил юноша.

Курах молчал, не отводя взгляда от беснующегося океана. Казалось, мужчина позабыл про все на свете, а тем более о вопросах надоедливой юнца. Но Хенг терпеливо ждал, и вождь все же снизошел до ответа.

– На древнем языке мудрецов это означает «*пророк, рожденный морем*», – мрачно проговорил Курах, отворачиваясь.

Глава №1

Резко вскинувшись, Нергал проснулся. Разбудила боль, застарелая и неизбывная, доктора назвали бы такую фантомной. Кожа горела, а внутри словно стыл ледяной комок. Несколько секунд мужчина судорожно оглядывался, не понимая, где находится. Затем тяжело вздохнул, дыхание понемногу успокаивалось, сердцебиение пришло в норму, горящий яростью взгляд постепенно угас. И боль уходила, истаявала, истончалась, пока совсем не сошла на нет.

Прошло десять лет с той памятной битвы на вершине башни. Десять... Даже в памяти события такой давности стали блеклыми, утратили цвета и эмоции. Былая ненависть испарилась, выкипела и улетучилась, оставив лишь горький осадок разочарования. А вот боль до сих пор с ним – приходит, как старая знакомая, по расписанию, едва ли не каждое утро. Словно тягостное напоминание о пережитых мучениях, о бесславном поражении и брошенных на полпути делах.

Рихтер уселся, поставив ступни на холодный пол. Прикрыв глаза, он посвятил несколько минут успокаивающей гимнастике. Метода старая, как мир: следи за дыханием, считай вдохи и выдохи, отпусти мысли прочь, пусть голова остается пустой. Главное в этом деле сконцентрироваться и не сбиться со счета, а результаты не заставят себя ждать. Открыв глаза, мужчина посмотрел на мир совсем другим взглядом: спокойным, сосредоточенным, умиротворенным.

Поднявшись с постели, Нергал занялся обыденными утренними хлопотами. Тело действовало само, по привычной программе, почти не требуя мыслительных процессов. Умыться, размяться, выполнить упражнения одного из комплексов *Нэйгун*, переделать домашние дела, такие привычные и необременительные. Постель заправлена, завтрак приготовлен, на столе дожидается чашка крепкого кофе и несколько зажаренных яиц.

Усевшись на стул, Рихтер взялся за еду. Насыщаясь, машинально оглядывал простецкое убранство маленькой хижины, что служила ему домом.

Узкая скамья возле входной двери, стол и два стула грубой работы, небольшая печка, едва способная поддерживать тепло в комнате долгими зимними вечерами. Два маленьких окна, больше похожих на бойницы. Неподалеку от печки – кровать, да сундук с припасами у изголовья ложа. Вот и вся обстановка, минималистично, без украшательств и излишеств. А они Нергалу, по большому счету и не нужны. Когда умираешь, да еще не единожды, а дважды, успеваешь убедиться, что с собой на тот свет не взять ничего из накопленного. Только то, что внутри, имеет шансы пережить брненное тело: опыт, знания, внутренняя сила и нестигаемый дух.

Закончив трапезу, мужчина сполоснул посуду над умывальником. Опясавшись и обувшись, приоткрыл дверь. Шагнул наружу под первые лучи яркого, по-летнему жаркого, восходящего солнца.

Несмотря на раннее утро, уже припекало. Легкий ветерок пытался разогнать духоту, но вскоре он явно проиграет огненному светилу. Сощурившись, Нергал кинул взгляд на солнце, вдохнул полной грудью, радуясь тому, что живет.

Деревня Бруска просыпалась. Женщины спешили по делам, заспанные дети ковыляли следом. Мужчины выбирались из домов степенно и неспешно, в предвкушении тяжелых дневных забот.

Бруска промышляла многим: и рыболовством, и охотой, и земледелием не брезговали. Селяне держали скот, занимались ремеслами и немудреным искусством. Деревня жила богато, год от года разрасталась, можно даже сказать процветала. И не последнюю роль в этом сыграло

удобное местоположение: рядом с морем, но и недалеко от леса; защищенное от нападения, но пастбища и поля тоже под рукой. Казалось, сами боги смилостивились над людьми – бери, что нужно, да живи в свое удовольствие.

Не пренебрегали селяне и торговлей. Пусть официально с Пруссией не существовало никаких контактов, но то по закону... А уж по правде-то караваны торговцев заходили в Бруску с завидной регулярностью. А все потому, что жители Республики тоже не дураки и весьма ценят эксклюзивные и недорогие товары. А уж купцы своей выгоды и вовсе нигде не упустят.

Вот и сейчас Рихтер заметил несколько десятков длинных фургонов, что стояли рядом на специальной площадке для приезжих. В гостевых домах горел свет, возле складов сутились недовольные ранним подъемом грузчики. Пожалуй, придется им поработать целый день, да еще и ночь захватить, чтобы успеть загрузить все товары к следующему утру. Зато деревня получит неплохой навар, в казне у старосты зазвенят золотые монеты.

Рихтер потянулся, в спине стрельнула внезапная вспышка боли. Он повел плечами, неторопясь покрутил торсом, пока неприятные ощущения не исчезли полностью. Да уж, годы берут свое, Нергал отнюдь не помолодел за прошедшее время. Да и тот образ жизни, что он вел ранее... не особо способствует сохранению здоровья.

Нергал с трудом мог восстановить в памяти долгие годы, прошедшие сразу за последней битвой. Его сожгли заживо, скинули в бушующий океан, но убить не смогли. Волей судеб или по прихоти богов, мужчина выжил. Это можно было бы назвать чудом, если только нелепое стечение обстоятельств может считаться таковым.

Несколько месяцев Рихтер находился при смерти, то испуская дух, то вновь воскресая. Что удержало его среди живых? Ненависть? Ярость? Гнев? Неистребимая воля к жизни? Ну не любовь же во всяком случае...

А может, преисподняя его просто отвергла? Один раз убийца уже там побывал, а второй, быть может, не предусмотрен Единым? Нергал хмыкнул, обдумывая эту интересную мысль.

Целый год мужчина провалялся без движения, пока восстанавливались поврежденные связки и мышцы. Ел с ложечки, ходил под себя, с тоской смотрел на узкий прямоугольник окна. Друзи лесного святилища ухаживали за необычным пациентом с отрешенным усердием, как, впрочем, и за любым другим, что попадал к ним в руки.

Только встав, наконец, на ноги, Нергал осознал, насколько же он ослаб. Мужчина превратился в блеклую тень самого себя. Мышцы полностью атрофировались, сухожилия и связки едва держали. Глаза слезились от непривычного дневного света; новая кожа, появившаяся взамен сгоревшей, приобрела пепельно-бурый оттенок. На ней не осталось ни следа бывших татуировок и шрамов, Рихтер словно заново родился. Хотя, в каком-то смысле так оно и было.

Два года мужчина учился ходить заново. Мучительно долго делал первые шаги, обессиленно падал и вновь поднимался. День ото дня, неделя за неделей, пройденное расстояние росло, тело понемногу обретало толику былой силы. Еще три года ушло на то, чтобы восстановить хотя бы намек на прежнюю скорость и выносливость.

Окрепнув, Рихтер покинул святилище и обосновался здесь, в Бруске, занимаясь простой и тяжелой работой, наедая мышцы, кое-как вспоминая былые навыки и умения. Поначалу к нему относились подозрительно, как ко всякому странному пришельцу, но вскоре чужаку удалось завоевать особое уважение жителей деревни.

Рихтер встряхнулся, отгоняя воспоминания. Хорошо, конечно, мечтать, нежась на теплом утреннем солнышке, но пришла пора приниматься за дела. Деньги сами себя не зарабатывают, так или иначе приходится им помогать.

Мужчина легко соскочил с крыльца, размеренной упругой походкой направился в центр Бруски, к высоким двухэтажным хоромам, где проживал староста с многочисленным семейством. Дом выделялся отделкой и красотой даже на фоне соседних богатых построек, а что уж говорить о нищенской хибаре Нергала. Впрочем, почему бы и нет? Это же староста, ему по должности положено выделяться...

Широкая дверь бесшумно отворилась, староста Хануман, словно почуяв приближение первого посетителя, вышел на крыльцо, горделиво подбоченившись. Крупный дородный мужчина, едва переваливший за пятый десяток, умный и в меру властолюбивый, он правил Бруской вот уже лет двадцать, да еще столько же впереди, если только боги не откажут в удаче.

Завидев Нергала, староста приветливо кивнул, позволив себе благосклонную улыбку. Ему не очень-то нравился этот чужак, но повода для открытой вражды тот никогда не подавал: беспрекословно исполнял прямые указания, брался за любую, самую грязную работу. А потому Хануман относился к пришельцу с подобающим уважением. К тому же, имелся у Рихтера и еще один весьма полезный талант...

– Доброго утра, староста, – буркнул Нергал, – Сегодня есть для меня работа?

– А как же, найдется, – подтвердил Хануман, – Косой Билл просил помочь команде лесорубов, сам знаешь – крепкие руки им всегда нужны.

Рихтер кивнул, повернувшись, чтобы отправиться на лесозаготовки, но староста остановил негромким окликом.

– Да, послушай... – как бы нехотя выдавил Хануман, – Один из караванщиков, купец, прослышал о тебе... В общем, он загорелся посетить пророка. Говорит, очень уж требуется ему какая-то помощь.

– Пусть приходит вечером, после ужина, – пожал плечами Нергал, – Не вижу проблем.

– А ты ведь мог бы и вовсе не трудиться, – вкрадчиво сообщил староста, – С твоим-то талантом! Жил бы на одних подношения, и весьма неплохо!

– Я привык работать руками, – ухмыльнулся Рихтер, удивляясь, насколько двусмысленно звучит эта фраза в контексте его бывшего ремесла.

– Ну-ну... – кивнул Хануман, глядя вслед удаляющейся спине.

Староста обладал достаточно живым умом, чтобы сделать правильные предположения относительно прошлого Нергала. Слишком уж хищными выглядели движения чужака: каждый шаг, каждый поворот, каждый выпад протянутой руки будто нес чью-то смерть. А уж просыпающаяся порой во взгляде ненависть... В такие моменты взор пришельца мог бы плавить камни... Но Хануман нажил и довольно мудрости, чтобы никогда не озвучивать собственные предположения. Возможно, именно поэтому староста так долго и так успешно правил в деревне. Возможно, именно поэтому он вообще был еще жив.

Рихтер шел по просеке, с легкостью преодолевая встречающиеся препятствия. Странно, он уже давно не думал о себе, как об убийце. Более того, мысль, что когда-нибудь, возможно, придется отнять чью-то жизнь вовсе не будоражила. Скорее наоборот, приносила некоторое разочарование. Ассасин будто переосмыслил что-то в жизни, шкала его ценностей если и не развернулась на сто восемьдесят, то как минимум значительно сместилась в сторону.

Нергал знал, что убивать – особый талант, коим его одарили боги. Однако, пользоваться великим умением или нет, это оставалось целиком и полностью на усмотрение человека. Теперь Рихтер не желал иметь ничего общего с былой судьбой ассасина, ему претили кровь, боль и смерть.

«Кажется, я увидел... и организовал... достаточно смертей. Достаточно для любого живущего. Возможно, теперь я обрету хоть толику покоя.»

Но убийца никуда не делся, и Нергал хорошо это понимал. Старые привычки не так просто изжить, особенно если тело само собой вспоминает нужные движения, руки только и ищут,

кого бы придушить... Рихтер чувствовал, что ассасин затаился, сидит где-то внутри, глубоко в душе, под слоем внешнего спокойствия и умиротворения.

А как же предназначение? Мужчина криво улыбнулся, вспоминая нелепые размышления о собственном выборе. Теперь вот как все повернулось: судьба нашла его сама, да так, что никто и никогда бы и предположить не смог.

Странно, но люди деревни, да и всего Севера, почитали Нергала, как некоего пророка. Сам он никогда не мог понять ни причины, почему так получилось, ни логики, из которой бы это проистекало. Мужчина не ощущал в себе никакой потусторонней силы, кроме разве что умения сгореть, а потом выжить в ледяном океане. Но факт оставался фактом: к нему стекался поток прихожан из соседних селений, а порой посетители приходили и из далеких краев. Люди шли с бедами, вопросами, проблемами. И самое удивительное для Рихтера заключалось в том, что ему действительно удавалось всем так или иначе помочь. Словом, советом, делом. По крайней мере, никто не уходил обиженным. Слава *«пророка, рожденного морем»* росла и крепла, поддерживаемая неиссякаемой людской молвой.

Весь день Рихтер работал в лесу. Валил деревья, рубил сучья, обтесывал стволы. Топор мелькал в руках с завидной легкостью, каждый удар ложился в нужное место с необычайной точностью и силой. Казалось, мышцы сами помнят нужные навыки, нужно только им не мешать.

Тяжелая работа доставляла смутное удовольствие. Тело наливалось усталостью, пот тек по голому торсу ручьями, спина и плечи горели от напряжения. Но Нергал не останавливался: лишь преодолевая себя можно вырасти, достигнуть чего-то большего. За это его и уважали в деревне – Рихтер всегда набрасывался на работу, как на долгожданную добычу, давая прочим сто очков форы. Он смотрел на труд не как на очередную повинность, а как на тренировку, еще одну возможность увеличить силу, испытать выносливость организма.

Солнце медленно поднялось в зенит, пришло обеденное время, из деревни потянулась вереница женщин, несущих еду для работников. Среди них имелась и та, что шла к Нергалу. Простая, не слишком сообразительная, и не отличающаяся особой красотой, Наина, овдовевшая пять лет назад, частенько заходила в хижину Рихтера, скрашивая холодные ночи. Очевидно, она имела на мужчину вполне определенные планы, но Нергал не спешил ни подтверждать, ни опровергать их состоятельность. Им было хорошо вместе, а большего мужчине пока не требовалось.

После обеда изнурительная работа продолжалась до первых сумерек. Наконец, прозвучал общий сигнал, лесорубы засобирались по домам. Резким движением Нергал вогнал топор в колоду, невольно представляя, что таким ударом можно располовинить не слишком крупное тело...

Придя домой, Рихтер ополоснулся колодезной водой. Натруженное тело ныло, но то была приятная усталость после добротного выполненной работы. Значит, день прошел не зря. Значит, сделан еще один шаг по жизненному пути.

Нергал едва успел наскоро поужинать, как раздался нерешительный стук в дверь.

Вошел широкий дородный мужчина средних лет, яркий представитель зажиточного купеческого сословия. Нергалу не раз доводилось встречаться с подобными, а потому он достаточно хорошо знал этот типаж. Холеные, самоуверенные, привыкшие повелевать работниками; не дающие спуску тем, кто ниже по сословной лестнице или достатку, но и одновременно лебезящие перед теми, кто выше. В целом, неплохие люди, если, конечно, получится заставить их общаться с тобой на равных.

Посетитель выглядел несколько смущенным: очевидно, он не привык ходить на поклон к беднякам. Да и вся ситуация напрягала купца, отчего он сделался чуть более напыщенным

и наглым, чем следовало бы. Несмотря на жаркий, вечер мужчина оделся в дорожную расшитую куртку; на голове сидел островерхий колпак; носки сапог смотрели в разные стороны; на широком поясе, обтягивающем объемный живот, болтались ножны с богато украшенным кинжалом; в руках гость держал небольшой сверток – подношение пророку.

– Вечер... добрый... – неуверенно пробормотал купец, не зная толком, как себя вести и как обращаться к хозяину дома, – Алехандро Аменабар к вашим услугам...

Нергал сдержанно кивнул, жестом указывая гостю на стул. Посетитель решительно прошагал по комнате, зад опустился на сиденье, а принесенный сверток бухнулся о столешницу. Алехандро уставился на Рихтера, ожидая подобающих моменту слов, но пророк молчал, не собираясь ни представиться, ни облегчить гостю задачу общения.

Странно, но люди часто воспринимают молчание, как признак мудрости. Нергал давно усвоил этот урок, хоть и не мог постичь причин такого поведения. Тем не менее, он знал, что достаточно принять напыщенную позу, скорчить пафосную физиономию и помолчать пару минут, как любой, самый непробиваемый собеседник начинает нервничать. Посетитель будто ощущает собственную никчемность, видит абсолютную бессмысленность своего вопроса, понимает, что побеспокоил великого пророка попусту. Зачастую люди просто убежали, стоило Рихтеру глянуть на них с молчаливым презрением... Ну а на остальные случаи имелись заранее заготовленные многозначительные фразы, подходящие к любой жизненной ситуации.

– Слыш... Пророк, значит... Тут такое... – забормотал купец, нервно покашливая, – Дело у меня имеется... Вожу караваны... Пути неизведанные... Прибыль, значаща... Ну, не то чтобы прям рекой, но грех жаловаться! Но и риск... Дикие Земли, сам понимаешь. Каждый поход может стать последним...

Нергал склонил голову, подтверждая услышанное. Он хорошо знал, о чем говорит гость. Поход каравана в Дикие Земли и впрямь часто напоминает рулетку: можно сказочно озолотиться, но есть вероятность остаться не то что без гроша – без головы.

– А есть, значит, женщина... – продолжил Алехандро, несколько воодушевляясь, – Там, за стеной, в Республике...

Рихтер сдержанно улыбнулся. Действительно, как же без женщины... Сколько бы мужики не пыжились, а весь мир вертится вокруг слабого пола.

– Ждет меня, значит, – мямлил гость, – Да и я вроде к ней... Со всей душой... Но вот караван-то как? Сходить в поход? Последний? Да и зажечь припеваючи! Но, опять же, риск...

Отвернувшись, Нергал встал возле окна, с любопытством поглядывая на звезды, что одна за другой разгорались в ночной темноте. В очередной раз пришла мысль: до чего же странно, что люди воспринимают его как «пророка»! Неужто для того, чтобы осознать собственные желания, чтобы присмотреться к глубинам души, понять устремления и чувства, нужен какой-то внешний толчок, пинок? Неужели образованный взрослый самостоятельный человек, коим, без сомнения, является Аменабар, не может уразуметь, чего он, собственно, хочет от жизни?

– Ты ведь уже все решил в глубине души, – мягко проговорил Нергал, не оборачиваясь, – А ко мне пришел только за тем, чтобы я подтвердил твой выбор. Иного ответа ты не приемлешь, не так ли?

– Ну знаешь! – возмущенно вскочил Алехандро, – Я ожидал большего от так называемого «пророка»! Думал, ты кинешь руны или хотя бы посмотришь на линии судьбы...

Неуловимым движением Рихтер сместился от окна, в одно мгновение оказавшись перед лицом купца. Изысканный, инкрустированный драгоценными камнями кинжал прыгнул из ножен гостя в ладонь Нергала, лезвие взлетело вверх, упершись в толстую шею посетителя. Гневная речь оборвалась на полуслове, глаза Аменабара выскочили из орбит, дыхание разом оборвалось. В комнате повеяло замогильным холодом, свет померк, уступая место стущающей тьме.

– Мне кажется, ты кое-что напутал, – вкрадчиво прошипел пророк, потихоньку надавливая на нож, – Если тебе нужны базарные трюки, стоило пойти к гадалке, а не ко мне...

Струйка пота покатилась по лбу купца, в то время как из-под лезвия выступили несколько капель крови. Сердце колотилось, как барабан, ноги стали ватными, будто из них разом убрали все мышцы. Он давно бы уже рухнул навзничь, если бы не сталь, пробующая на прочность тонкую кожу шеи.

– Представь, что жить тебе осталось всего несколько биений сердца, – мрачно усмехнулся Нергал, усиливая давление кинжала, – Подумай теперь, о чем ты больше жалеешь? Что тебе поистине дорого? Ощущаешь? Манят ли тебя рискованные барыши? Или объятия ветреной красотки? А может, ты сейчас жалеешь совсем о другом?

Рихтер замер, продолжая буравить гостя испепеляющим взором. Купец застыл, не осмеливаясь даже вдохнуть, надутое лицо покраснело, в воздухе запахло мочой.

Резко отстранившись, Нергал спокойно отступил назад к окну. Из-за спины пророка послышался громкий вздох, сопровождаемый непонятным бульканьем. Купец тяжело сипел, кое-как отходя от неожиданного потрясения.

– С-с-с-с... – прошипел он, но так и не закончил слова.

То ли это было «спасибо», то ли «сука» – договорить купец в любом случае не сумел. Громко топая отяжелевшими ногами, Алехандро бросился к выходу.

– И игрушку свою захвати, – равнодушно бросил Рихтер.

Убийца дернул ладонью, воздух рассержено прошипел, кинжал, сделав несколько оборотов, вонзился в дверь избы, едва разминувшись с головой убегающего посетителя. Тот глянул на оружие, но даже не сделал попытки вытащить клинок, глубоко засевший в дереве.

Усевшись за стол, Нергал грустно улыбнулся: вот так и рождаются легенды. Сегодня купец будет полыхать от гнева, возможно даже строить планы мести. Но уже с утра ярость в душе уступит место страху и благоговению. Так или иначе, Алехандро осознает кое-что важное для себя, как бывает с каждым, посмотревшим в глаза неминуемой смерти. Он и дальше станет вспоминать Рихтера с содроганием, рассказывая приятелям о великом и ужасном «пророке», открывшем ему важную истину. Когда же купца спросят о способе, каким пророк донес мысль, Аменабар будет лишь многозначительно усмехаться: такое, мол, словами не перескажешь...

Рихтер повел ладонью, разворачивая оставленное посетителем подношение. Завернутые в обычную газету, тут лежали несколько монет, две головки Республиканского сыра, пакет острой приправы и банка с черной икрой. Все, как обычно – почему-то пришлые считают, что деревенским недостает местных продуктов... Впрочем, он-то как раз не деревенский, так что чуточку разнообразия не повредит.

Нергал протянул ладонь к банке и вдруг замер, уставившись на обрывок газеты. Проведя рукой, отстранил содержимое свертка в сторону, оставив перед собой лишь потрепанную обертку. Взгляд уцепился за черно-белую газетную фотокопию, откуда на мужчину смотрело до боли знакомое лицо. Образ, приходивший во снах, не дававший опустить руки и сгинуть. Глаза, дарящие надежду и свет.

Переключив внимание на текст, Рихтер прочел заголовок: «Клаудия Сенна – смерть шарлатанке!». Мужчина нахмурился, не понимая, как редакция допускает подобные вольности в названиях. Чем больше Нергал углублялся в чтение, тем мрачнее становилось выражение лица, тем явственней проступал на нем давно забытый оскал ассасина.

Автор статьи, некий магистр Клемент Агилийский, начинал с того, что подробно расписывал биографию Клаудии, преподнося каждый из ее эпизодов исключительно с негативным окрасом. Богатые родители? – значит изнеженная буржуйка. Отличные оценки? – вычурная зазнайка. Прекрасная внешность? – ветреная кокетка. Великолепный магический дар?

А вот с последним Клемонт был категорически не согласен. Во второй части статьи он переходил к разбору профессиональных достижений чародейки, раз за разом низводя все заслуги заклинательницы либо до успехов ее подопечных, либо вообще до удачного стечения обстоятельств.

Наконец, в заключительной трети магистр переходил к откровенным оскорблениям и брани. Тон статьи терял хоть какой-то намек на академичность, скатываясь к банальной ругани. Автор смешивал героиню с грязью, раз за разом повторяя неприкрытые угрозы в ее адрес.

И за всей этой напускной злостью, выпущенной на потеху публике, Нергал явственно ощутил вполне реальную опасность для Клаудии. Статья являлась очевидным предостережением, намеком на скорую и жестокую расправу в случае, если женщина откажется от сотрудничества. Большинство прочтет и не заметит ни единого скрытого сигнала, но Рихтер привычно чувствовал давнюю знакомую – смерть – затаившуюся где-то между строк.

Нергал не мог вспомнить, как оказался у открытого окошка. С удивлением ощутил, как бешено колотится сердце, помутневший взгляд блуждал по звездному небу. Почти полная луна заглядывала в дом, яркая звездочка сорвалась с небесного купола и неторопливо скатилась к горизонту.

«Неужели сейчас? – подумал Рихтер, – Неужели пришло время вернуться?»

Глава №2

День потихоньку клонился к вечеру, летнее солнце опускалось к далеким холмам, свежий ветер приносил приятную прохладу. В предместьях Бастиона царила тишина и спокойствие, нарушаемые разве что пролетевшей стаей птиц или проشمывнувшим диким зверьком. Утренние патрули большей частью вернулись, не обнаружив ничего необычного. А остальные либо ушли в дальние рейды, либо перейдут Великую Стену через другие ворота. Даже часовые разнежились на постах, не забывая, впрочем, зорко оглядывать горизонт.

Сержант Северин Манн отдыхал в караулке, беспечно потягивая холодную воду из вместительной кружки. Вообще-то он являлся вполне ответственным и исполнительным офицером, чтит устав, любил порядок и определенность во всем. Просто погода... располагала к небольшой расслабленности.

Высокий, спортивный, сообразительный и деятельный, Манн находился на хорошем счету у начальства, да и подчиненные его уважали. Выслужился сержант сам, не используя взятки и связи. Службу в Бастионе почитал за честь, нес ее с гордостью, тем более, что платили здесь не в пример больше, чем в тех же северных частях.

И тем не менее, лето нестерпимым жаром выжигало из гарнизона любое желание следовать формальным правилам и привычному распорядку. Любое построение тяготило, дежурства превращались в скучную, никому не нужную повинность. Люди невольно расхолаживались, даже такие, казалось бы, обязательные и чопорные, как Северин.

Отворилась дверь, сержант лениво скосил глаза. В караулку вошел рядовой, небрежно изобразив военное приветствие. Кое-как соблюдая формальности, доложил о приближающемся к воротам путнике. Манн выслушал донесение, думая совсем о другом. Лето, жара, скатывающийся по спине пот... Сейчас бы окунуться в озеро!

– Один? – уточнил Северин.

Солдат подтвердил, и сержант успокоено кивнул. Мало ли кто едет в Бастион? Навестить родственников или по другим делам... Но рядовой не уходил, и Манн вдруг понял, что в докладе есть нечтостораживающее... Что-то, ускользнувшее от сонного разума в первый момент. Стоп!

– Путник со стороны Диких Земель?

Вот теперь Северин заинтересовался, сонливость разом сдуло. Резким движением мужчина поднялся на ноги, рука опустилась на пулевик, взор загорелся охотничьим азартом.

Да, со стороны Республики движение в Бастион и из него являлось регулярным и практически свободным. Никто даже толком не вел учет прибывших, лишь бы не нарушали дисциплину да установленные порядки. А вот из Диких Земель – дело другое! Оттуда приходили редко, обычно это или караваны торговцев, или разведывательные отряды. Путешествовать в одиночку отваживались либо невероятные смельчаки, либо слабоумные. Что, впрочем, зачастую являлось одним и тем же.

– Пойдем посмотрим на этого бродягу! – азартно заявил Манн, срываясь с места.

Быстро пройдя по длинному коридору, сержант оказался на тесной закрытой смотровой площадке, откуда взгляд мог легко охватить все прилежащие пространства. В очередной раз захватило дух от величия природы, раскинувшихся пейзажей и громады Великой Стены, перегородившей западный перешеек. Всмотревшись, Северин различил среди зелени трав черную приближающуюся точку, мало-помалу складывающуюся в высокую человеческую фигуру.

Путник шел широким походным шагом, явно привычный и к долгим переходам, и к летнему зною. Бросалась в глаза легкость движений, непринужденная грация, с какой пешеход помахивал руками. За спиной болталась полупустая котомка, на поясе висела фляга. Что-то

еще в приближающемся путешественнике вызывало у сержанта смутные подозрения, какая-то несуразность, нелепость...

Оружие! У путника совершенно не было оружия, во всяком случае на виду. Северин громко хмыкнул, удивленно покачивая головой. Если отправиться в путь по Диким Землям в одиночку решится только слабоумный, то сделать это невооруженным отважился бы лишь явный отморозок!

– Так-так... – протянул Манн себе под нос, а потом бросил приказ часовому, – Отправьте взвод к западной каверне! Я сам спущусь... Любопытно глянуть, что это за фрукт...

Когда Нергал подошел к приоткрытой в монолитной стене дверце, его уже поджидали. Несколько бойцов спокойно стояли, расположившись полукругом, в руках демонстративно лежали взведенные пулевика. В центре отряда, опустив руки, застыл невооруженный офицер, очевидно, главный среди присутствующих. Цепкий взгляд не отпускал Рихтера все время, пока он приближался к Бастиону.

– Северин Манн, – представился сержант, опуская звания и приветствия, – Кто вы?

Рихтер назвалса, вояка согласно кивнул. Без документов имя все равно ничего не значило, с тем же успехом Нергал мог опознаться каким-нибудь Смитом или Мюллером.

– Вы гражданин Республики? – уточнил Манн.

– Был когда-то...

– У вас есть документы, подтверждающие личность?

Нергал покачал головой.

– Откуда вы идете, мистер?

– Из Диких Земель, – тень улыбки скользнула по губам Рихтера, – Деревенька Бруска, двести миль к западу отсюда.

– Вы проделали путь один?

– Да.

– Без оружия?

Путник пожал плечами.

– Я не хочу ни с кем драться, – спокойно пояснил он.

Северин нахмурился. Что-то его тревожило, что-то мрачное, неуловимо тяжелое... Особенно, если преодолеть непонятный страх и заставить себя посмотреть в глаза пришельцу. Тогда мурашки начинали бегать по спине целыми табунами.

– Ты воин? – резко спросил сержант.

– Мне случалось убивать, – расплывчато ответил Нергал, не вдаваясь в уточнения где, кого и в каких количествах.

– Покажи правую руку! – приказал Северин.

Рихтер послушно выполнил указание, вытянув ладонь вперед. Офицер внимательно осмотрел смуглую кожу предплечья, но там не оказалось ни характерной татуировки, ни следов ее выведения.

– Разве закон запрещает простым путникам проходить через Стену? – тихо поинтересовался Нергал, дождавшись, когда пограничник отвлечется от созерцания конечности.

– Простым – нет! – внезапно озлился Манн, – А тебя я вполне могу развернуть восвояси! Уж больно ты подозрителен.

Сержант и сам бы не мог признаться себе, за что накинусь на проходимца. Как будто интуиция подсказывала: с ним могут быть проблемы. Очень много проблем.

– Я не хочу ничего плохого, – сдержанно и проникновенно сказал Рихтер, – Я не опасен... и не буду никого обижать. Можешь мне поверить.

Северин не хотел верить, но в словах пришельца слышалась определенная убедительность. Усталость, пресыщение, возможно даже покорность. Умиротворение и согласие с судьбой. Немного подумав, Манн все же сдался.

– Хорошо, проходи... Но только после досмотра!

Нергала провели внутрь, через несколько мрачных помещений, предназначенных для отражения внезапной атаки. Все также, под охраной целого взвода, Северин вел пришельца сквозь укрепления, пока небольшой отряд не оказался в громадном дворе Бастиона, в возведенном внутреннем городе.

Сержант уверенно потопал по узким улочкам, Нергал не отставал ни на шаг. Бдительная стража следовала чуть позади, все еще держа оружие наготове. Рихтер бывал в этом городе лишь единожды, но память услужливо подсказала, заметив знакомые места. Когда Манн остановился, постучав в дверь неброской усадьбы, убийца уже знал, куда его привели. На свидание с магом.

Повелительный голос призвал их войти, сержант распахнул дверь. Они с Рихтером прошли внутрь, оставив основной отряд на улице. Впрочем, в дополнительной защите нужды не было, ибо в комнате присутствовала настоящая *сила*.

Магистр Хелиос за прошедшие годы возмужал, хоть и остался таким же худым. Лицо чародея посуровело, заострилось, рыжая шевелюра стала еще растрепаннее, веснушки – ярче, глаза почти ощутимо горели огнем. И во всей долговязой фигуре чувствовалась огромная мощь; скрытая, до времени не выставляемая на показ сила. Маг явно набрался опыта и умений, а уж природного дара ему было не занимать.

– Магистр... – Северин склонился в почтительном поклоне, – Тут вот... Из Диких Земель... – он кивнул на Рихтера, – Не могли бы вы...

Не дожидаясь конца фразы, Хелиос повел ладонью. Нергал ощутил, как его окружила мощная пелена энергии, просвечивая насквозь и чуть ли не выворачивая наизнанку. Магия нахлынула волной, накрыв с головой, а потом также быстро исчезла, плавно откатившись. Магистр глянул бегло, мельком, во взоре не оказалось даже банальной заинтересованности, не говоря уже о чем-то большем.

– Ничего подозрительного, – вынес вердикт маг, – Пусть идет куда хочет.

– Прошу прощения за зряшное беспокойство, – повторно склонился Северин, выталкивая Нергала за дверь.

Хелиос Моралес небрежно отмахнулся – пустое, мол, служба есть служба. Чародей вновь склонился над бумагами, от которых его оторвали неожиданные посетители. Но вдруг что-то кольнуло мага, чувство скрытой тревоги и опасности. И каким-то образом оно казалось связано именно с гостями.

«А ведь я где-то уже видел этого бродягу, – засомневался Хелиос, – Вспомнить бы только где... И при каких обстоятельствах...»

Он задумался было, но тут же отогнал эту идею прочь. Мало ли проходимцев ошивается вокруг Бастиона! Если на каждого тратить бесценное время, то его не останется ни на что другое. А такого магистр допустить не мог. Чародей разом отмахнулся от надоедливой воспоминания, целиком погрузившись в работу. Через минуту он совершенно позабыл и мимолетной встрече.

Сержант провел Рихтера в собственный кабинет, расположенный в сторожевой башне. Манн уселся за стол, привычным движением бросив перед собой чистый бланк с Республиканской печатью. Нергал остался стоять у двери с непроницаемым выражением лица. Он принимал происходящее поистине стоически, не выказывая никакого недовольства или нетерпения.

Щелкнув самописным пером, Северин принялся быстро заполнять пустые строчки аккуратным почерком. Он вписал имя путешественника, обстоятельства его появления и заключение магистра об отсутствии противопоказаний.

– Документов у тебя нет, – веско проговорил офицер, – Я выдам временную справку, чтобы на первом же посту тебя не задержал патруль. Когда прибудешь... ну, куда ты там направляешься – оформишь постоянный паспорт с пропиской. Для этого, правда, придется потрудиться, но тут уже заботы жандармов, а не пограничников.

Он поднялся, протягивая бумагу, Нергал вежливо принял справку, аккуратно сложил листок в нагрудный карман. Северин прошелся по кабинету, остановившись у небольшой деревянной шкатулки с хитроумным замком.

– Республиканские деньги имеются?

Рихтер дернул головой.

– А что-нибудь на обмен?

Открыв торбу, путник бросил на стол несколько желтых монет неправильной формы, что имеют хождение среди варваров Диких Земель. В них, в общем-то, ценится не номинал и не рисунок, а всего лишь вес, масса чистого золота.

– Понятно... – протянул сержант, открывая шкатулку.

На стол легли несколько ассигнаций по сотне марок каждая. Нергал ждал, но офицер не торопился раскошелиться дальше.

– И не смотри, что курс грабительский, – покачал головой Манн, – Тебе выбирать не приходится, а мне это золото все равно, по сути, деть некуда. Не ликвидный товар...

Произнося эту речь, Северин довольно сильно покривил душой. Золото – оно и есть золото, всегда в цене, где бы ты ни был. Но, с другой стороны, должен же и у него иметься маленький бизнес, хоть изредка приносящий неплохие барыши...

Глаза Рихтера полыхнули пламенем, а сержант впервые задумался: не перегнул ли палку? Не слишком ли небрежно относился к совершенно незнакомому человеку, в одиночку путешествующему по Диким Землям? Не глупа ли идея нажиться на бывалом путнике? И не слишком ли рано Манн распустил охрану, оставшись с незванным гостем наедине?

Нергал быстро потушил взгляд, не дав волю гневу. Сержант внезапно ощутил, что за эту секунду успел вспотеть, как в бане; противные струйки потекли по спине и груди пограничника.

– Благодарю, офицер, – шагнув вперед, Рихтер сгреб деньги, не поленившись выхватить остаток купюр из ослабших пальцев онемевшего Северина.

Сержанту не оставалось ничего другого, кроме как сделать хорошую мину при плохой игре. Он кивнул, невольно скривившись, но так и не произнес ни слова против самовольства бродяги.

Манн проводил путника до выхода из Бастиона, хоть это было вовсе не обязательно, даже скорее наоборот – в виде исключения из правил. Он плелся за Рихтером, как кролик за удавом, и размышлял: кто кого ведет? Он ли сопровождает подозрительного путешественника или же тот следит, чтобы Манн с дуру не сотворил чего лишнего?

– Куда направляетесь? – буркнул офицер, стараясь хоть как-то взять происходящее под контроль.

– В Берлин, – Нергал неопределенно махнул рукой.

– Ну, сначала в любом случае в Лер – городишко тут неподалеку. Оттуда на перекладных можно добраться до Бремена. А уж там – прямой рейс дирижаблем.

– Я так и сделаю, – пообещал Рихтер.

– Если хотите... можно подождать до завтра. Утром в Лер поедет обоз, возьмет всех желающих. Хотя бы ноги ломать не придется.

Нергал глянул на сержанта с неприкрытой иронией, в зрачках сверкнули искринки смеха.
– Пожалуй, я лучше пройдуся.

Он уверенно зашагал по проселочной дороге, так ни разу и не оглянувшись.

– Удачи... – пробормотал Северин, но путник вряд ли его расслышал.

Офицер вернулся в собственный кабинет, задумчиво уселся за стол. День больше не казался беззаботным и светлым, непонятно откуда взялось ощущение надвигающейся беды. Манн помотал головой, стараясь выбросить глупые мысли прочь, но тревога не уходила, хоть слегка и притупилась.

Что же так взбудоражило Северина, чем незнакомец зацепил бывшего офицера? Звериная мощь и сила? Непоколебимая уверенность в себе? Раздражающая немногословность? Нет, все это Манн видел и раньше... Да и сам, в общем-то был не из болтливых слабаков. Почему же сейчас внутри все дрожит, будто после смертельной битвы? Словно прошелся по лезвию бритвы и выжил лишь чудом?

Северин переворачивал эту мысль на все лады, и внезапно нужное слово пришло. Неотвратимость! Вот что он разглядел в незнакомце. Неотвратимость падающего молота! Когда-то давно отец рассказывал об этой присказке...

Пока молот поднят высоко, его можно направить в любую сторону легчайшим усилием. Но когда тот начинает падать, уже ничто не может остановить безудержную мощь удара. Так и этот странник: в нем чувствовалась сила, сметающая преграды, уничтожающая врагов несмотря ни на что. Пока что этот «молот» в ожидании, но что будет, когда он сдвинется?

Сержант нервно сглотнул, напряжение понемногу отпускало.

«Давненько я не брал отпуск, – решил Манн, – Пора бы и отдохнуть, навестить стариков...»

Глава №3

Летний вечер обрушился на Берлин с присущей ему жарой и духотой. Спертый воздух едва позволял дышать, над городом стоял полнейший штиль. Жители ждали дождя, как спасения, но на небе не наблюдалось ни единой тучки. Солнце клонилось к закату, на улицы напозвали прохладные тени, где горожане искали приюта и отдыха после дневного пекла. И все же духота не отпускала даже в тени.

Каждый район города встречал вечер по-своему. Центр понемногу оживал, наполняясь прогуливающимися туристами и влюбленными парочками. Спальные районы, напротив, затихали, плавно готовясь погрузиться в дрему. Магическая академия жила по обычному расписанию – вот уж кому-кому, а магам жара была вовсе ни по чем. Фабрики продолжали работать, не останавливая конвейер ни на секунду. Мехмобили скользили по проспектам, обгоняя неспешные omnibuses и трамваи.

Жил своей особой жизнью и порт. Суда стояли у пирсов, сутились крановщики и грузчики, людской муравейник не прекращал движения даже в сгущающейся тьме. Множество прожекторов разгоняли мрак, работники, вооружившись фонарями, готовились к ночной смене.

Если же пройти дальше, мимо бесконечных складов и ангаров; выйти за пределы освещенной зоны, разом нырнув в загадочный сумрак; прошагать между заброшенных кирпичных зданий и совсем уж непонятных развалин... То окажешься в забытом богом месте, пристанище отребья и отбросов общества всех мастей. Трудно поверить, что совсем рядом кипит светская жизнь, в то время как здесь сгустки плоти доживают век, валяясь в грязи, дерясь и испражняясь, совокупляясь и накачивая тело самой мерзкой и дешевой наркотой. Кажется, сюда никогда не заглядывает солнце, никогда не дотягиваются загребушие руки закона.

Но даже здесь сегодня что-то изменилось. В воздухе, помимо ароматов помойки, витали страх и тревога. Все, у кого сохранились хоть какие-то остатки инстинкта самосохранения, попрятались, забились в щели и убежища. Опасность! Над грязными закоулками вонючих трущоб неслась смерть.

Слышались крики и подвывания, истошные повизгивания и дикие хрюканья. В сгущающихся тенях мелькали тела, темные силуэты скакали по узким проходам. Взглянув издали, можно было бы принять бегущих за стаю одичалых собак, но вблизи становилось понятно, что к псам эти твари не имеют никакого отношения.

Во тьме мчалось семейство троглодитов – одних из самых мерзких и склизких городских тварей. Мелкие бородавчатые тела, торчащие во все стороны конечности, крутолобая голова без намека на шею, зато с впечатляющим набором зубов. Подернутые пленкой глаза, отличный нюх и не менее чуткий слух. Демонское отродье самой худшей масти: трупоеды и стервятники, они, однако, не брезгают и живой человечинкой. Нападают всей стаей, с удовольствием подстерегая неосторожных одиноких прохожих. Особенно, если это женщина или ребенок.

Издавая какофонию душераздирающих воплей, троглодиты неслись по каменным подворотням. На этот раз стаю подгоняли не голод и охотничий азарт, а нечто гораздо более веское – страх. Страх неминуемой и мучительной смерти. Потому что позади, всего лишь в нескольких шагах, за семейством уродцев ленивыми прыжками следовал громадный волк.

Неимоверно высокий и мощный, черный, как уголь, с оскаленной пастью и горящими глазами. И конечно, любой мало-мальски знающий охотник сразу скажет, что таких волков в природе днем с огнем не сыщешь, а значит, в погоне участвовал гораздо более опасный хищник – оборотень.

Стая неслась, не сбавляя темп, подстегиваемая жутким погонщиком. По пути, из боковых отвороток прибывали новые порции троглодитов, будто невидимая рука сбивала всю мразь и отморозь в единую бегущую кучу. Испуганный вой усиливался, визги и крики сливались в единый гул. Матерый волчара семенил следом, не спеша, впрочем, догонять скопище тварей.

Ханс Краузе наблюдал за погоней, стоя на небольшом отдалении. Верхушка заброшенной водонапорной башни предоставляла замечательный обзор на гетто, позволяя держать под чутким контролем весь ход операции. Зрение, подстегнутое алхимическим зельем, легко пронзало тьму, взор выхватывал самые мелкие детали происходящего, не упуская при этом и общей картины.

Пока что все шло строго по намеченному плану: загонщики сработали, как надо; сбита воедино стая троглодитов, подбадриваемая Вольфом, бежала точно по маршруту, рассчитанному дознавателем.

Впереди спасительной аркой маячили старые ворота, оставшиеся тут черт знает с каких времен. Дикая процессия ломанулась в проем, но в этот миг там сверкнула мощная вспышка. Грянул взрыв, эхо несколько раз повторило грохот складывающихся камней, на месте выхода осталась лишь высокая баррикада, прохода больше не существовало.

Стая заметалась, в панике ища путь к вызволению. Мощный рык, раздавшийся совсем рядом, подсказал тварям *откуда* нужно убегать. Ханс видел улепетывающую толпу карликов и свирепого волка, неторопливо трусившего следом. Волосы на голове дознавателя невольно шевельнулись: в такие моменты он и сам побаивался оборотня, хотя точно знал, что Вольф отлично себя контролирует.

Еще один взрыв прогремел неподалеку, отрезая троглодитов от выхода на широченный пустырь. Теперь у тварей осталась лишь одна дорога: по тесной улочке, где едва могли бы разъехаться два мехмобиля. Громогласно завывая дурным голосом, стая, состоявшая из полусотни уродцев, бросилась в тесный закуток.

Стиснутая с обеих сторон высокими домами, дорога не могла вместить стаю целиком. Толпа колыхалась, твари наступали друг другу на пятки, стараясь побыстрее выбраться в первые ряды. Передние бежали, как скаковые лошади, опустившись на четвереньки; задние поджимали, подгоняемые преследователем; ну а в середине толпы творился сущий кавардак: троглодиты мчались едва ли не по головам товарищей.

Беглецы неслись на всех парах, до спасительного перекрестка оставалось не больше пары десятков шагов, когда дорогу стае преградил одинокий силуэт. Толпа радостно и недоуменно взывала, потому что засада представляла из себя не могучего воина или охотника: на пути троглодитов напряженно застыла маленькая девочка.

Невысокая, по-детски хрупкая и стройная, она стояла, подняв перед собой миниатюрные ладошки, в позиции, чем-то напоминающей боксерскую стойку. Растрепанные темные волосы, уложенные в подобие длинного каре, падали на лоб; алые губы сжались в тонкую дугу; в голубых глазах не проскользнуло и тени страха. Однотонное темное платье, украшенное ярким орнаментом, свободно колыхалось на тощем теле; из-под него торчали худые щиколотки, утопавшие в ботинках на шнуровке военного образца.

Анжела Сенна подняла руки чуть выше, разворачивая ладони в сторону приближающихся врагов. Она глубоко вздохнула, прогоняя прочь беспокойство. На удивление, девочка не чувствовала никакого страха, лишь предвкушение скорой схватки приятно горячило кровь. Она закусил губу, готовясь ударить.

Краузе смотрел на развернувшуюся картину с замиранием сердца, будто это его ребенок вышел один на один с дикой безумной загнанной толпой троглодитов. Дознаватель знал, что где-то в развалинах засела группа стрелков с Яном во главе, и они готовы за один залп оста-

новить бег стаи. Если понадобится, Вольф моментально разметаёт прочь жалких уродцев-трупоедов. В конце концов, как запасной вариант всегда имелась аккуратно заложенная взрывчатка...

Но это должна быть победа Анжелы! Именно ради нее все и задумывалось. Чтобы хрупкая девочка-маг наконец-то осознала себя, собственную мощь и истинные возможности. А без битвы этого не достичь никак.

В глубине души Ханс опасался какой-то каверзы: девочка могла струсить в последний момент, запаниковать и побежать, или просто не справиться с напором врагов. Поэтому он и перестраховался четырежды. Но пока что все шло, как по маслу. Юная чародейка держалась выше всяких похвал, и дознаватель невольно зауважал ребенка.

Перед глазами всплыл образ ее отца. Не того, приемного, что растил и заботился о девочке, а настоящего, о котором не знал никто, кроме Ханса и Клаудии. Поистине, у них нашлось гораздо больше общего, чем можно предположить. Краузе готов был биться об заклад, что Рихтер стоял бы перед стаей точно также: вполоборота, слегка склонив голову, выжидательно выдвинув вперед руки. Лишь в его ладонях находилось бы верное оружие: шестиствольный пулевик и бритвенно острый тесак.

Чертыхнувшись, Ханс бросился вниз, перепрыгивая пролеты и стараясь не упустить ни единого мгновения развернувшейся перед ним схватки.

Анжела переступает с ноги на ногу, детские ладошки вылетают вперед, будто отталкивая невидимую преграду. На разбитой мостовой появляется ледяной ковер, стая разом замирает, останавливая бег, когтистые конечности бессильно царапают скользкую поверхность. Легкий поворот руки, тихий словесный приказ – из льда вырастают шипы, впивающиеся в плоть троглодитов. Теперь воздух полнится криками боли и ярости, холод струится над дорогой, превращаясь в густой туман.

Девочка опускает руки вниз, а потом пальцы медленно поднимаются, движения сопровождается мерный речитатив. Вокруг сгрудившейся толпы вырастает полупрозрачная стена, пышущая морозом, демонята голосят на все лады, пытаются выбраться из ловушки, но удается лишь немногим.

Несколько самых прытких переваливают через препятствие, упрямо устремляясь к юной чародейке. Но Анжела готова к встрече. Она прыгает в широкую стойку, небрежный взмах ладони вызывает из ниоткуда здоровенный молот, сотканный из льда. Бум! Бум! Бум! Удары оружия рушатся на хлипкие тельца трупоедов, отправляя их напрямик в преисподнюю.

Запыхавшийся Ханс поспекает только к этому моменту. Подбежав сзади, дознаватель встает рядом с девочкой. Он осматривает поле боя, глядит на заклинательницу, голова склоняется одобрительным жестом.

– Молодец! – похвала вполне заслужена, – Владение силой, контроль, четкость заклинаний... Причем, не в стандартных вариантах. Но пришла пора заканчивать. Что предпримешь?

Анжела встряхивает головой, непослушные волосы рассыпаются по плечам, на губах блуждает разгоряченная ухмылка. Руки вскинута вверх, из сжатых кулаков начинают расти смертоносные ледяные копья. Они все удлиняются, пока не становятся раза в два больше самой чародейки. Кажется, девочка должна сейчас же уронить неудобное оружие, но она с легкостью взмахивает копьями, рассекая воздух перед собой. Юная заклинательница делает шаг, готовясь нанести завершающий удар.

Но прежде, чем девочка успевает хоть что-то предпринять, над темным закоулком вспыхивает ослепительный свет. Маленькая, невероятно яркая звездочка висит на высоте десятка метров, освещая и тесную улицу с развернувшейся на ней битвой, и ближайшие окрестности грязных трущоб.

На мгновение все опешили: Ханс и Анжела замерли от удивления, троглодиты орали благим матом: магический свет обжигал демонических тварей.

А потом откуда-то сверху рухнул целый пласт огня, выжигая содержимое улицы напрочь. Анжела поморщилась, глядя на высвободившуюся мощь; Ханс недовольно скривился, досадуя несвоевременному вмешательству. Огонь схлынул, оставляя после себя раскаленные камни. От стаи троглодитов не сохранилось даже пепла: пламя слизнуло все начисто, проводя полнейшую дезинфекцию.

Девочка опустила руки, ледяное оружие рассыпалось на кусочки. Краузе посмотрел на юную чародейку, та разочарованно покачала головой.

– Это не я! – как будто оправдываясь произнесла Анжела.

– Да уж вижу... – вздохнул дознаватель.

По раскаленным камням мостовой шла величественная женщина в длинном обтягивающем платье. Рыжие волосы трепетали, глаза сверкали яростью, в ладонях искрились молнии. Высокие каблуки выбивали отчетливую дробь, грудь вздымалась от частого дыхания, бедра покачивались в такт ходьбе.

Магистр Клаудия Сенна, во всей ее красоте и мощи, преисполненная праведным материнским гневом!

Позади показался силуэт волка, но не успел сделать и шага. Заклинательница не глядя взмахнула ладонью – оборотня снесло волной силы. Тяжеленный зверь улетел, как пушинка, завершив падение среди развалин какого-то сарая.

Из тени выступил Стрелок с пулевиками в руках, Клаудия лишь щелкнула пальцами. Яна скрутило и бросило прочь, покореженное оружие упало на землю.

Ханс тяжело вздохнул, поднимая вверх руки. Дознаватель постарался придать лицу приветливое выражение, насколько это было возможно в данной ситуации.

Старшая Сенна подошла вплотную, обжигающий взгляд смерил Краузе с ног до головы. Девочке достался не менее грозный взор и осязаемый подзатыльник.

– Ханс Краузе! – с неприкрытой злостью прошипела Клаудия, – И почему я не удивлена! Кому же еще могла прийти в голову мысль привлечь к операции спецгвардии ребенка?!

Дознаватель медленно опустил руки, заговорил тщательно подбирая слова.

– Клаудия, вы заблуждаетесь. Никакая это не операция. Анжела просто помогала нам решить... э-э-э... некий вопрос... с помощью своих несомненных магических способностей.

– Хватит! – выкрикнула женщина, – Ты в своем уме, Краузе?! Это же ребенок! Ей всего десять лет! Ты натравил демонов на маленькую девочку! Неужели ничего не дрогнуло в душе? Ничего святого не осталось!

– Ей *уже* десять, – мягко отвечал дознаватель, – В этом возрасте вы победили болотного тролля, а я...

– И слышать не хочу! – рявкнула зачинательница, – Это *мой* ребенок! И я решаю, где и что она будет делать! Девочка не должна подвергаться никакой опасности!

Ханс вовремя прикусил язык, чуть было не ляпнув, что опасности и не было, пока не появилась разъяренная мамаша. Мужчина разочарованно пожал плечами.

– Мама... – захныкала Анжела, – Я не ребенок!

– Помолчи! – отрезала женщина, – Поговорим дома! А тебе... – она ткнула пальцем в грудь Краузе, – ... предстоит объясниться перед отцом девочки!

Ухватив дочь за плечи, Клаудия быстрым шагом направилась прочь. Анжела едва поспевала, все порываясь оглянуться, но строгая мать не дала ей такого шанса.

Вздохнув, Ханс потер лицо руками. Его вовсе не пугала перспектива оправдываться перед графом Оперрманом – тот слыл не особо страшным субъектом. Вот интересно, что бы сказал обо всей этой истории *настоящий* отец девочки...

Дознаватель разочарованно оглядывал поле недавнего боя. Завершение операции прошло совсем не так, как задумал Ханс, оставалось лишь надеяться, что девочка не будет сильно переживать по этому поводу. Юная чародейка успела показать и силу, и умение. А что до способности убивать... Что ж, время не стоит на месте. Сто лет назад десятилетние шли на войну, пятьдесят лет назад – выходили замуж. В детстве Краузе не принято было нянчиться со «взрослыми» ребятами. Ну а сейчас... Возможно, это и к лучшему. Цивилизация торжествует, добро, как ни крути, побеждает. Быть может, Анжеле и впрямь рановато разить наповал, даже если жертвы – демонское отродье.

Со сдержанным ворчанием подошел Вольф, уже в человеческом обличье. Неподалеку остановился Ян, держась рукой за ушибленную поясницу.

– Ну и чего ты возишься с этой соплячкой? – недовольно пробурчал оборотень, – Мы могли бы уничтожить троглодитов в три раза быстрее без всякой магии...

– В команде нужен маг, – пожал плечами Ханс, – К тому же она сама напросилась.

– Ты что, чем-то ей обязан?

Краузе фыркнул, поражаясь догадливости Вольфа. Он действительно ощущал определенную вину перед девочкой... За то, что они когда-то сотворили с ее родителем.

– А ты сам-то разве против? – усмехнувшись спросил Ханс, – Кажется, девочка тебе нравится...

– Она ребенок! – мужчина смущенно отвел взгляд.

– Чужие дети взрослеют очень быстро, – Краузе веселился от души, – А оборотни, я слышал, вовсе не стареют...

Вольф махнул рукой и пошел прочь, дознаватель проводил могучую фигуру грустной улыбкой.

Глава №4

Воздушный порт Берлина поражал воображение размерами и чистотой. Здесь, под одной большой крышей, хватило места для всего: чередка касс, залы прилета и вылета, многочисленные стойки регистрации, залы ожидания с разным уровнем комфортности. Вперемежку между ними примостились несколько заведений общепита, начиная от простого кафетерия и вплоть до полноценного ресторана с широчайшим выбором блюд и напитков.

Пассажиры в порту никуда не спешили, передвигались чинно и с достоинством. Носильщики помогали довести багаж, услужливые стюарды вежливо помогали найти нужный рейс, громкий приятный голос из громкоговорителя то и дело объявлял приземление или старт очередного дирижабля.

На стойку кафетерия небрежно облокотились две красотки, в которых любой без труда распознал бы мать и дочь, настолько они походили друг на друга. Клаудия Сенна, одетая в дорожную блузку, длинную юбку и летние сапожки, походила на отдыхающую модель. Анжела, облачившись в тесные джинсы, белую майку и расстегнутую косуху, с легкостью сошла бы за воинственную бунтарку, если бы только малый рост, тонкий стан и детские черты лица не выдавали в девочке юный возраст. Тем не менее, красотой она явно пошла в мать, даже неискушенному взгляду заметно, что спустя каких-нибудь пару лет из милой девчушки вырастет прекрасная девушка.

Женщина бросила на дочь строгий взгляд. Они продолжили разговор, начатый, по-видимому, довольно давно.

– Еще раз тебе говорю: не водись с этой кодлой! – грозно проговорила Клаудия, – Ты должна бы уже понять – все спецслужбы одинаковы! И спецгвардия с обходительным мистером Краузе во главе – не исключение.

– Ханс хороший! – упрямо насупилась девочка.

– Потому что ему выгодно таким казаться! – чародейка всплеснула руками, устав в который раз повторять прописные истины, – Поверь, как только обстоятельства изменятся, он отвернется от тебя с пугающей легкостью. Все они одного поля ягоды – врут, предают, убивают. Причем, желательно, чужими руками.

– Они вообще-то людей спасают!

– Ага, как же! А скольких при этом отправляют на тот свет? Ты видишь лишь верхушку айсберга, то, что тебе позволили заметить. А копни чуть глубже – узнаешь, что у каждого там руки по локоть в крови.

– Они просто крутые! И делают, что захотят!

– Они подлецы! Ну как же ты этого не поймешь? Краузе манипулирует людьми, используя чужие слабости. Сталкивает своих врагов лбами, чтобы избавиться от них подчистую. Ему наплевать на тебя, на меня, на всех!

– Неправда! Это тебе наплевать!

Мать покачала головой, раздраженно глядя на юную собеседницу. Как и всегда, достучаться до разума девочки не удалось, а потому – придется действовать силой.

– Анжи, прошу, займись делом, – вкрадчиво проговорила Клаудия, – Изучай магию, учись, работай... Только выбрось из головы эту чертову вундертим!

– Ты ничего не понимаешь! Работать там – это и есть моя мечта!

– Это не мечта, а полнейший бред! – громогласно отрезала женщина.

Анжела отвернулась, скрывая выступившие на глазах слезинки. Сейчас она чувствовала себя как никогда далеко от матери, будто они вовсе чужие люди с абсолютно различными взглядами на жизнь.

– Сядь здесь, закажи еще чая, – скомандовала Клаудия, шагая в сторону, – Я куплю нам билеты. Пара месяцев в гостях у бабули выбьет из тебя лишнюю дурь. Что может быть прекраснее отпуска на пляжах Кенигсберга, не правда ли?

Кивнув сама себе, женщина царственно удалилась прочь из кафетерия, размеренно цокая каблучками легких сапог. Юбка развевалась, при каждом шаге шальным образом обнажая стройные ноги; миниатюрная сумочка бултыхалась на едва видимой тесемке; рыжие волосы покачивались в такт волнующей походке. Клаудия неторопливо прошла вдоль рядов регистрационных стоек, и, повернув за угол, двинулась в сторону ближайшей билетной кассы.

Проводив мать испепеляющим взглядом, Анжела отвернулась прочь, на глазах девочки засверкали слезы. Самая торопливая капля не удержалась и сбежала по щеке, оставляя мокрую дорожку. Раздраженно фыркнув, юная чародейка тряхнула головой, сжатые кулачки уперлись в глазницы, размазывая быстро высыхающую влагу.

«Не хватало еще только тут разреваться! – со злостью решила Анжела, – Ну уж нет, такого удовольствия я мамуле не доставлю!»

В кафетерии прибавилось посетителей: по всей видимости, посетители подходили, ожидая следующий рейс. Кто-то брал черный кофе с круассанами, иные – пиво со снеками. Вокруг кипела обычная жизнь воздушного порта: люди брели из зала в зал, носильщики везли тележки с вещами, невидимый диктор вещал о прибывающем дирижабле из Гамбурга. Казалось, никто не обращал друг на друга абсолютно никакого внимания. Что уж говорить о маленькой заплаканной девочке? Анжела вдруг почувствовала себя невидимкой.

На душе у молодой чародейки скреблись кошки. Отношения с матерью летели в тарта-рары, впрочем, они и раньше не отличались особой близостью. Вот отец понимает ее гораздо лучше! Если бы Артур сейчас был здесь, он бы заступился за девочку, точно бы встал на ее сторону!

Не меньше Анжелу тревожила та ненависть, с какой Клаудия отзывается о вундертим, спецгвардии и ее начальнике. Девочка никак не могла взять в толк, в чем тут дело? Может быть, между этими двумя когда-то что-то было? Ну... шуры-муры... А потом они расстались? Анжела поморщилась, с неохотой отбрасывая излишне романтическую версию. И все же... Ханса и Клаудию связывает какая-то мрачная тайна! И эта тайна касается и ее тоже...

Девочка всхлипнула, ощущая, как рыдания опять подступают к горлу. Она почувствовала себя ужасно одинокой, растерянной, никому не нужной. Неужели никто-никто во всем мире ее не понимает и не поддерживает? Анжела с тоской огляделась, часто шмыгая носом.

Нергал спустился по трапу, оказавшись на плоской взлетной площадке. Пассажиров поджидал вместительный омнибус, за пару минут домчавший прилетевших до здания порта. Людской поток втянулся в широкие двери, кто-то немедленно побежал к стоянке такси, кто-то за багажом. Рихтер спокойно прошел мимо, удивляясь царящей вокруг суете.

Он никуда не торопился настолько, чтобы бежать, а из багажа у мужчины имелась лишь давешняя, наполовину пустая торба, что он нес в руках. Рихтер пробрался сквозь толпу, как ледокол между льдин, аккуратно отстраняя препятствующих в стороны.

Выбравшись из столпотворения, мужчина ненадолго остановился, переводя дух. Перед ним раскинулся громадный холл, где беспорядочно сновали обыватели. Справа гудели очереди у регистрационных стоек, слева дразнил запахами уютный кафетерий. Нергал вздохнул, предаваясь навалившимся воспоминаниям.

«Десять лет! – мелькнуло в голове, – Десять долгих лет я не был в столице. Ну, здравствуй, Берлин!»

Сколько всего он пережил в этом городе! И хорошего, и плохого, и такого, что и не поймешь, куда отнести. Он любил и сражался, убивал и дружил, тосковал и радовался. И все это где-то здесь – на улицах уютного родного мегаполиса.

Повинуясь неожиданно нахлынувшим эмоциям, кровь ударила в голову. Рихтер пошатнулся, стараясь унять временную слабость. Вот уж не ожидал, что так расчувствуется... Пришлось даже облокотиться на колонну, чтобы устоять на ватных расслабившихся ногах...

Анжела обводила жидкую толпу невидящим взглядом, пока глаза не зацепились за странного господина. Высокий, статный мужчина со смуглой кожей, в слегка старомодном наряде. Девочка не могла бы сказать, что привлекло ее внимание, но этот тип явно выделялся среди других прохожих.

В нем была некоторая хищность, угрожающая плавность движений. И в то же время чувствовалась грозная сила, скрытая под тщательно подогнанным костюмом. В руках незнакомец держал нелепую торбу, на лице не высветилось ни тени эмоций, глаза смотрели куда-то в даль.

Мужчина остановился возле кафетерия, задумчиво прищурился и вдруг пошатнулся. Смуглое лицо побледнело, рука ухватила за каменную колонну, ища дополнительную точку опоры.

Юная чародейка подскочила на стуле. Сделалось неуютно и страшно, но девочка пересилила себя. Как никогда вовремя вспомнились слова Ханса: «Мы противостоям Тьме! Несмотря ни на что!»

А этому господину явно требовалась помощь! И кто же среди равнодушной толпы может ее оказать? Только она – внештатная заклинательница вундертим, Анжела Сенна!

Машинально растирая ладонки, девочка шагнула к незнакомцу.

Рихтер всерьез подумывал, не присесть ли ему на пол, когда на запястье, заставив вздрогнуть, опустилась холодная детская ладошка. Магическая энергия влилась в тело мощным потоком, прогоняя усталость и внезапную слабость. Взор разом просветлел, в голове прояснилось, ноги выпрямились, приходя в тонус. Мужчина ощутил пробуждающуюся бодрость и готовность к действиям.

– Благодарю! – мягко проговорил он, – Я в порядке...

– А что с вами случилось?

Нергал посмотрел на нежданного целителя: перед ним, растерянно и доверчиво шурясь, застыла маленькая девочка. Несколько растрепанная и заплаканная, но явно из богатой семьи.

– Слишком много воспоминаний для одного момента, – ответил Рихтер, сам не осознавая, зачем это говорит, – Впрочем, ты и сама не выглядишь образцом спокойствия...

Неуловимым движением рука мужчины оказалась у девичьей щеки, грубые пальцы осторожно вытерли след от слезинки.

Анжела вздрогнула. Незнакомец вызывал у нее страх, но и странным образом притягивал. Было что-то, незаметное глазу... Какая-то общность душ. Суровые черты лица и прожигающий насквозь взгляд... Мужчина выглядел настоящей каменной стеной, но именно поэтому он вызывал доверие. В ветреном изменчивом мире это был человек, на которого можно положиться, чье обещание – закон, а действия никогда не расходятся со словами.

– Я... поругалась с мамой, – прошептала Анжела, сразу же коря себя за излишнюю откровенность.

– Родители и дети... Они никогда не могут найти общий язык.

Девочка вскинулась, ожидая увидеть насмешку, но незнакомец говорил абсолютно серьезно и спокойно, просто констатируя общеизвестный факт.

– Она не понимает! – вспылила малышка, – И никогда не поймет!

– Обычно родители хотят лишь добра...

– Ха! Она хочет, чтобы я жила по составленному ей плану, а вовсе не так, как хочется мне! Маму совершенно не волнует мое счастье, также, как и мнение... А мою мечту она назвала «бредом»!

Рихтер нахмурился. Не его дело – решать психологические травмы ребенка, особенно влезая в отношения родственников. Но девочка помогла, и Нергал не мог просто отвернуться и уйти.

– Печальное зрелище, когда родитель отговаривает ребенка от его мечты, – мягко произнес мужчина, – Ведь мечта и цель – одни из важнейших вещей в жизни.

– Так что же мне делать, если все против?! – воскликнула Анжела, требовательно глядя на незнакомца.

На секунду Рихтер задумался, но ответил, ни на гран не покривив душой.

– В твоих руках книга и то, чем ее написать. Делай то, что тебе нравится, не считаясь ни с чьим мнением.

Анжела задумалась, смущенно потупив взгляд. Она внимательно глянула на странного господина, дающего не менее загадочные советы.

– А вы... всегда поступали именно так?

– Только так! – кивнул Нергал.

– И куда вас это привело?

Невинный вопрос заставил Рихтера вздрогнуть. Он как-то сник, подбородок опустил вниз, плечи сгорбились. Не отвечая и не оборачиваясь, убийца побрел к выходу. Девочка проводила странного собеседника удивленным взглядом.

Анжела растеряно стояла, размышляя над словами незнакомца. И чем больше она думала, тем больше приходила к мнению, что странный господин сказал правду, и его совет, несмотря на банальность, самое мудрое изречение, услышанное ею за недолгую жизнь.

Чародейка упрямо мотнула головой, принимая решение. Отныне так и будет! Она станет делать только то, что выберет сама! И никто ей больше не указ!

Девочка повернулась, с заговорщицким видом втянула воздух. Миниатюрные пальчики зашевелились, сплетая тончайшую вязь филигранного заклęcia. Немногие в Пруссии смогли бы распознать творящуюся магию, разве что магистры, которых раз-два и обчелся...

Закончив колдовать, Анжела уверенным шагом направилась к дверям. Сogleдятаи, непременно оставленные матерью, могут просмотреть все глаза, но под действием заклęcia будут все также видеть маленькую девочку, угрюмо сидящую в кафетерии. Чародейка на ходу кивнула, с довольным видом потирая ладошки.

Не доходя до двери пары шагов, она щелкнула пальцами, и створка распахнулась сама собой. Конечно, это было расточительством, но Анжела обожала использовать магию где только можно.

Выйдя из воздушного порта, девочка уселась в первое попавшееся такси. Водитель обернулся, смерив пассажирку взглядом.

– Ты тут одна? А родители где?

Юная чародейка протянула ему купюру, на ее второй ладони плясал шар из разноцветного огня. Воистину, магия и деньги – коктейль, открывающий все двери! Водитель принял щедрую плату и, не говоря больше ни слова, надавил на педаль газа.

Глава №5

Солнечный свет беспрепятственно проникал внутрь просторного кабинета, освещая его целиком и полностью. Широкие окна давали дорогу светилу, полупрозрачные тюли не являлись серьезным препятствием для летнего жара, солнечные зайчики весело скакали по стеклу, отпрыгивая от поверхности величественного лакированного стола. Легкий ветерок колыхал занавески, внося в комнату немного приятной утренней прохлады.

Хозяин кабинета стоял у окна, заложив руки за спину. Краузе занимался не характерным для себя делом – размышлял о праздных вещах. Обычно мысли дознавателя касались гораздо более приземленных тем и планов. Теперь же он позволил себе расслабиться, разум неторопливо перетекал от одного воспоминания к другому, нигде не задерживаясь надолго.

Новый особняк спецгвардии приятно удивлял как размерами, так и удобством. Неприятный, закрытый от лишних глаз густой вязью защитных заклятий, он в тоже время располагался в самом центре Берлина. Буквально в двух шагах от парламента и городского дворца; в шаговой доступности от резиденции канцлера; да и вся прочая инфраструктура города находилась если не рядом, то во всяком случае не дальше нескольких минут езды на мехмобиле.

Десять лет минуло с тех памятных событий, когда Вейсмана убили, канцлер Рино занял свой теперешний пост, а Рихтер канул в лету, сгинув в бушующем океане. Десять трудных лет, прошедших в тяжелой работе. И все же, если быть честным, кому-кому, а Хансу грех жаловаться на судьбу. Пользуясь повсеместной протекцией канцлера, получив от него практически полный карт-бланш на любые действия и операции, дознаватель вывел спецгвардию на недостижимый уровень. А верхушкой этой системы являлась личная команда Ханса – команда мечты – вундертим.

Десять лет они брались за то, что остальные почитали невозможным. Выручали там, где пасовали все прочие. Неизменное трио – дознаватель, оборотень и фантастический стрелок – с поддержкой государства они побеждали везде. Брала и грубой силой, и умением, и точным расчетом, и хитростью. Чего стоят только те операции, что приходят на ум... Подавление мятежа алхимиков в глубине Срединного Хребта; разгром пиратов Южного моря; захват ковена некромантов, приносящих человеческие жертвы в Гамбурге. А потрясающее разрешение инцидента на границе с Османами? Операция, отголоски которой гремят по сей день! Канцлер умильно улыбается, вспоминая произошедшее, а у султана Йылдырыма до сих пор дергается веко при беглом упоминании тех событий!

Да, что ни говори, работа проделана громадная. И все же Краузе не спешил почивать на лаврах. Уже несколько лет он ощущал, что над Пруссией начинают сгущаться тучи. Глупому ощущению не было ни единого материального подтверждения, однако все его чутье, весь опыт, природный дар – все подсказывало, что приближается нечто страшное. Как бы пафосно не прозвучало, на Республику надвигалась Тьма.

Встряхнув головой, Ханс отогнал прочь грустные мысли. Пока что все очень даже не плохо. Команда пополнилась новенькой – пророчица Анастасия вот уже год официально участвовала в деятельности вундертим. К тому же дознаватель строил далекоидущие планы на юную Анжелу, хоть ее мать и была категорически против вступления дочурки в ряды спецгвардии. С таким пополнением вундертим справится с любой бедой!

Потянувшись, дознаватель прошел к столу. Уселся, беря в руки книгу. Интуиция подсказывала, что сегодня предстоит куча важных и безотлагательных дел. А в такой день нет ничего лучше, чем отвлечься на чтение увлекательной научно-популярной литературы.

В руках у Ханса оказалась занимательная книга, сама по себе довольно редкая и изданная очень скудным тиражом. А то, о чем она рассказывала, и вовсе выходило за грани обычности. Объемный томик принадлежал перу небезызвестного Эратосфена Карно, а назвалась работа броско и помпезно: «Легендарные и Мифические заклинания в современной магии».

Известный ученый-теоретик в свое время перезнакомился едва ли не со всеми живущими магами. Он тщательно собирал материал, штудировал старинные манускрипты, анализировал и сравнивал достижения мудрецов древности и современных заклинателей. В итоге и родился данный труд, где автор пытался подойти к магии с научной точки зрения. Он собрал самые невероятные и невозможные заклятья из всех, хоть где-либо упоминавшихся, а потом попытался выяснить, что же они из себя представляют: реальные чары, секрет которых, быть может, утрачен со временем, либо же красивый художественный вымысел?

Краузе с удовольствием прочитал длинное вступление, где Карно описывал собственные приключения на пути познания магии. Стоило признать, что помимо тяги к науке, у Эратосфена имелся яркий литературный талант – писал он на редкость живо и интересно. Наконец, разобравшись с предисловием, автор плавно перешел к описанию заклинаний.

Увлекательное чтение настолько захватило дознавателя, что он позабыл обо всем остальном. При чтении некоторых отрывков становилось страшно, волосы невольно вставали дыбом! Как же хорошо, что большинство из описанных чар – всего лишь выдумка! По крайней мере именно такой вывод делает великий Карно.

Чего стоит хотя бы такой отрывок...

«...Существует легенда, что величайший из магов древности – Соломон – изобрел невероятно действенное и ужасное заклинание, названное в его честь – кипяtilьник Соломона. Суть его в следующем... Любой, самый слабосильный маг способен вскипятить ведро воды. А как известно, человеческий организм на семьдесят процентов состоит из жидкости. Однако же, соединить эти два факта в одно заклятие удалось лишь легендарному магу. В сказаниях не раз упоминается, что Соломон насылал на врагов чары, от которых те начинали корчиться в жуткой агонии, пока тела не взрывались, источая обжигающий пар... Говорят, что защиты от данного заклятья так и не придумали, поскольку оно относится не к боевой магии, а к обычной, сиречь – бытовой... Однако же, после смерти Соломона, ни единого упоминания о применении кипяtilьника не встречается. Великий маг не счел нужным записать заклинание, а никто из его учеников так и не смог повторить мастерские чары...»

Ханс поежился. Удивительно, до чего доходят люди в стремлении уничтожить себе подобных! Какие только средства убийств не изобретают... Да и маги, оказывается, ничем не лучше, а то и еще похуже прочих.

Впрочем, не все мифические заклинания оказались столь ужасными. Имелись и вполне безобидные, например, та же левитация. Карно подробно описывал многочисленные факты применения «заклинаний полета», однако же потом один за другим разбивал их в пух и прах, доказывая, что это либо мистификация, либо искусные фокусы.

«...Как известно, могучий маг воздуха может парить, поддерживаемый потоками ветра. Так же и специалист по стихии воды может, при известном умении, ходить по поверхности озера. Однако же, стоит признать, что эти чары так же далеки от настоящей левитации, как и, например, темное вознесение из анналов некромантии... Что же касается именно левитации как таковой – за всю жизнь я не встретил ни единого мага, способного на такое, либо достоверно знающего, кто добился чего-то подобного...»

Покачав головой, Краузе перевернул страницу. Извечные желания человечества – властвовать, летать и жить вечно... Именно третьей составляющей посвящалось следующее заклятье.

«...Издавна маги мечтали если не о вечной, то хотя бы о невероятно долгой жизни. С помощью магии можно поддерживать здоровье и бодрость, однако же старость рано или поздно

берет свое. Нигде не имеется документально зафиксированных фактов о чародеях, старше двухсот двадцати лет. И все же, по легенде, некоему Мафусаилу удалось прожить более восьмиста...»

Дознаватель присвистнул, пораженный данным фактом. Однако, дальше Эратосфен, со свойственным ему скептицизмом, подвергал высказанное утверждение всестороннему анализу и проверке, убеждая читателя, что это не более чем «магические небылицы».

«...Другие источники утверждают, что маг изобрел лишь так называемую летаргию, или же, Мафусаилов сон. С помощью особых артефактов, маг, достигший совершенства в обращении со льдом, мог погрузить себя в невероятно долгий сон... длительностью до пятидесяти лет... в ходе которого он, естественно, не старился... После чего чародей, конечно, может повторять подобные чары сколь угодно много раз... Стоит ли такое долголетие потраченных на него усилий – оставляем судить читателю. Я лишь замечу, что данное заклятие так и осталось одной из самых грандиозных мистификаций, никак не подтвержденных ни одним, самым экспертным мнением».

Что ж, во многом Эратосфен был прав, но все же за прошедшие века магия шагнула далеко вперед. Краузе почесал подбородок, задумчиво поглядывая на только что прочитанную страницу. Пожалуй, тут есть над чем поразмыслить, тем более, что нечто подобное Ханс планировал уже очень давно... в качестве последнего средства в экстремальной ситуации. Для исполнения задуманного не хватало лишь мага... Но, как ни странно, чародей нашелся! По иронии судьбы юная Анжела Сенна показывала невероятную силу и склонность к управлению льдом. Подрастающая Снежная Королева...

Дознаватель настолько увлекся книгой, что не сразу различил внезапный переполох, возникший где-то в здании. Хлопнула входная дверь, раздались далекие приглушенные встревоженные голоса. Коротко звякнул телефон, но тут же замолчал – Краузе даже не успел поднять глаза на аппарат. Минуту спустя за дверью послышались шаги группы людей, возбужденно что-то обсуждавших на повышенных тонах. Створки распахнулись, и в комнату ввалились четверо охранников, среди которых как бы невзначай затесалась маленькая девочка.

Анжела смотрела на мужчин с холодным пренебрежением, на кончиках ее пальцев плясали отголоски боевых заклятий, готовых сорваться в любой момент.

– В чем дело, Освальд? – поинтересовался Краузе, откладывая книгу в сторону.

День терял утреннюю свежесть, плавно уходя в крутое пике непрерывных забот. Начальник охраны поморщился, с недоумением указывая на юную чародейку.

– Мы пытались ее остановить, но куда там... Она... ну... сами понимаете! А применять силу мы не решились.

Крупный мужчина выглядел крайне обескураженно, при упоминании «силы» девочка пренебрежительно фыркнула.

– Вы все сделали абсолютно правильно, – похвалил Ханс, поднимаясь, – Впредь пропускайте фрейлин Анжелу без вопросов.

Освальд кивнул, один за другим охранники удалились, дверь за ними захлопнулась. Спустя мгновение девочка бросилась вперед, оказавшись в объятиях Краузе. Тому ничего не оставалось, кроме как обнять бедолагу.

– Дядя Ханс, помогите! – прохныкала девочка сквозь выступившие слезы, – Спрячьте от мамы! Она хочет увезти меня куда-то далеко-далеко, наверное, в тюрьму!

Дознаватель остолбенел от подобного напора, даже не сразу сообразив, что детские слезы по большей части наигранные.

– Детка, я бы хотел помочь, – мягко проговорил Ханс, отстраняя от себя ребенка, – Но я не могу идти против твоей матери! В конце концов, закон на стороне Клаудии...

– Ой, да ладно, – Анжела взмахнула ладошкой, – Вам плевать на закон! Может вы просто боитесь маму?

Краузе мысленно улыбнулся столь простодушной попытке манипуляции. Девочка явно делает успехи...

– Только дурак не боится магистра Клаудию Сенна, – серьезно проговорил он.

Девочка возмущенно фыркнула, поняв, что воздействие не удалось.

– Я все равно убегу! И буду работать в вундертим!

– Так ты сбежала? – Краузе выпрямился, с досадой поморщившись.

Вполне невинное происшествие грозило перерасти в грандиозный скандал. Когда в деле замешаны высокие чины, да еще маги... Даже канцлер не сможет целиком закрыть на это глаза.

– Ладно, девочка, я тебе помогу, – спокойно заявил дознаватель, – Но сначала – ступай в уборную. Умойся и приведи себя в порядок. Потом мы обсудим, что тут можно сделать.

Анжела улыбнулась, глянула счастливо и слегка недоверчиво. Потом бросилась к двери почти вприпрыжку. Все-таки в ней оставалось еще слишком много от невинного ребенка...

Дождавшись, пока створки плотно закрылись, Краузе взялся за трубку телефона. Нужный номер нашелся в записной книжке, палец уверенно крутанул диск номеронабирателя.

– Алло... Мне нужен граф Артур Оперрман... Говорит Ханс Краузе, старший дознаватель спецгвардии... Конечно, граф, я знаю ваш телефон, плохим бы я был дознавателем... Ко мне пришла ваша дочь, Анжела. Думаю, будет лучше, если вы лично явитесь переговорить с ней... Конечно, вы не знаете, где резиденция спецгвардии. Плохой мы были бы спецслужбой... Собирайтесь, через пять минут за вами заедет мехмобиль...

Краузе положил трубку, в один момент приняв решение не вмешивать в это дело Клаудию. Он решит вопрос с отцом, а уж дальше влиятельные супруги пусть разбираются промеж собой.

Девочка вернулась в комнату посвежевшая, умытая, на юном лице не осталось и следа недавних слез. Она как ни в чем не бывало уселась в глубокое кресло, демонстративно заложив ногу на ногу. Однако, ее уверенности изрядно поубавилось, когда через четверть часа секретарь доложил о прибытии графа Оперрманна. Анжела вытянулась в струнку, глядя на Краузе с выражением загубленной надежды.

– Не переживай, – обнадежил ее дознаватель, – Никто тебя в обиду не даст.

Чародейка фыркнула, однако немного успокоилась.

Дверь распахнулась, в кабинет влетел, едва не переходя на бег, представительный мужчина. Хотя Артуру перевалило за сорок, выглядел он весьма молодо. Высокий, среднего телосложения и величественной осанки, с волевым прямоугольным лицом, граф больше, чем кто-либо другой походил на аристократа. В чертах лица сквозила определенная женственность, хотя орлиный нос и густые брови придавали ему серьезность. Идеально выполненная прическа с четким пробором; красивая борода и усы, переходящие в бакенбарды. Узкие плечи выдавали отсутствие физической нагрузки, руки явно не привыкли к тяжести. Худощавый торс и ноги скрывались под идеально сидящим смокингом, талия с годами исчезла, уступив место излишнему весу.

Ханс миглом оценил гостя, сопоставив человека с тем образом, что имелся в подробном досье. Оперрман, без сомнения, являлся одним из образчиков вымирающего в наши дни вида... Великодушный, честный, добрый, он словно жил в собственном, слегка оторванном от реального, мире. Несмотря на то, что граф постоянно вращался в высшем свете общества, он свято верил в идеалы любви, верности и чести. Дурных привычек не имел, хотя отлично разбирается в хорошем вине и сигарах. Служит на благо родине, активно участвует в политической жизни, занимается благотворительностью... Просто идеал, а не человек.

Артур живо подскочил к дочери, заключив ее в объятия. Рот мужчины открылся, готовясь произнести заранее заготовленную гневную речь, но Краузе предостерегающе поднял руку.

– Прежде чем вы наговорите глупостей... – произнес дознаватель безапелляционным тоном, – Я выйду, поговорите с дочерью наедине... Потом вы, вероятно, захотите сделать несколько звонков – не стесняйтесь! Отсюда могут соединить напрямую с канцлером... Я вернусь через час, надеюсь, к тому времени у вас сложится более-менее объективное мнение.

Ханс вышел, плотно прикрыв за собой дверь. Спустившись по лестнице и покинув холл, дознаватель очутился в парке, где с наслаждением прогуливался следующие шестьдесят минут. Он вернулся назад и взялся за створки, лишь когда отпущенный срок истек с точностью до секунды.

За прошедшее время в комнате произошли разительные перемены. Граф смотрел на вошедшего более миролюбиво, хотя и без особой приязни. Ну а Анжела... девочка просто сияла от радости.

– Я имел довольно познавательный разговор с Рино, – проинформировал Оперрман, – Услышал много нового о спецгвардии в целом и о вас в частности...

Краузе отвесил церемонный поклон.

– Потом состоялась весьма тяжелая беседа с Клаудией... – граф поморщился, – Не стану скрывать, жена вас ненавидит, уж не знаю – почему и за что. И все же – я настоял на своем! Счастье дочери для меня превыше всего!

Анжела обняла мужчину, тот ласково погладил ее по волосам.

– Девочка категорично уверила меня, что эта... э-э-э... резиденция вундертим... единственное место в мире, где ей хотелось бы находиться. Мы готовы на это пойти... с одним условием! Я больше и слышать ничего не хочу об участии Анжелы в каких-либо ваших спецоперациях!

Сдержав улыбку, Ханс кивнул. Чуть было не ляпнул: «Обещаю, вы ничего не услышите...»

– Обещаю, так все и будет, – более обтекаемо вымолвил дознаватель.

Девочка хитро прищурилась, явно поняв намек, а вот граф, к счастью, ничего не заметил.

Прощание отца и дочери вышло весьма эмоциональным. Девочка обняла графа, заверяя его в своей любви, Артур отвечал тем же. Краузе невольно отвернулся, застеснявшись подобным проявлениям чувств. Уж он-то видел, что оба говорят совершенно искренне, и за них остается только порадоваться...

Но червь сомнения ел дознавателя, что-то его тревожило. Да ладно уж там, «что-то»... Волновало его лишь одно. А что, если *вдруг*, Нергал Рихтер окажется жив? И он *внезапно* явится, чтобы заявить права на дочь?

Тут и без него, если честно, хватает проблем, а уж вкупе с легендарным убийцей... Семейные разборки грозят перерасти в настоящую кровавую мясорубку!

Тяжело вздохнув, Ханс выдавил из себя улыбку, провожая Оперрманна. Возможно, он дует на воду, вероятно, кости Рихтера давно сгнили на дне океана... Но все же дознаватель тщательно и со страхом готовился к новой встрече.

Глава №6

Усадьба Готти просыпалась, все еще находясь в утренней тишине и спокойствии. Хозяйка расхаживала по просторным комнатам, охрана не слишком тщательно бдила в сторожке. Высокие стены вкупе с защитными заклетьями надежно скрывали двор от излишне любопытных глаз, сторожевая система настроена и перепроверена не единожды, а потому мордовороты, приставленные ко входу, не слишком-то следили за подступами.

Когда раздался настойчивый звонок в дверь, охранники недоуменно переглянулись. По расписанию сегодня не ожидалось ни посетители, ни гости. Следовательно, пожаловал некто незванный, неожиданный и нежелательный. А значит, четверем бугаям придется заняться своими непосредственными обязанностями.

Громилы выбрались из удобных кресел, с видимой неохотой покинули уютную «сторожку». Старший смены, Геласий, потихоньку приоткрыл стальную дверь, насторожено выглядывая за порог.

У входа стоял мужчина в старомодном костюме, причем и в его лице, и в осанке хорошо читалась принадлежность к криминальным кругам. Слишком явное проявление силы и независимости, наглости и спокойствия, упрямости и сдержанности. Геласий достаточно повидал подобных «братков», чтобы четко отбраковывать всяческий сброд. Например, этого пускать внутрь совершенно ни к чему.

Незнакомец толкнул дверь с неожиданной силой. Геласий невольно отступил, чтобы не получить железной створкой по лбу. Наглый гость, воспользовавшись секундным замешательством, как ни в чем не бывало прошел внутрь, окидывая взглядом двор и четверых замерших охранников. Приятели Геласия уставились на посетителя, не понимая, зачем их товарищ впустил столь непрезентабельного мужика.

– Стоять! – рявкнул Геласий, отпуская, наконец, ручку двери.

– Я хочу увидеть Валерию Готти, – спокойно проговорил незнакомец.

– Таким, как ты, тут уже давно не рады, – пробурчал гигантский громила, потирая пудовый кулачище.

– Убирайся! – подтвердил Геласий.

Мужчина паскудно улыбнулся, покачивая лысой головой.

– А не то что?

На более чувствительных парней фраза, сказанная подобным тоном, могла бы нагнать ужаса. Но в охране работали ребята, отличающиеся габаритами, а не излишним умом. От слов гостя они явно оживились, просветлели лицами, у гиганта на физиономии заиграла мечтательная ухмылка. Похоже, громилам давно хотелось поразмять кулаки, а тут вдруг представилась подходящая возможность.

Тот, что слева – страхующий – быстрым движением вытащил из кобуры пулевик. Мордоворот справа вскинул руку, в ладони щелкнуло лезвие выкидного ножа. Громила впереди сжал огромный кулак, заранее готовясь к богатырскому замаху. Геласий, зайдя со спины, положил ладонь на плечо незнакомца, контролируя его передвижения.

– Вас что, совсем ничему не учат? – тяжело вздохнул Рихтер.

Смуглая рука накрывает ладонь громилы, небольшой поворот – Геласий с болезненным стоном сгибается в три погибели, следуя за изломанной конечностью.

Гигант завершает замах и со всей дури бьет в челюсть врага. Рихтер резко наклоняет голову, встречая кулак лбом. Слышится отчетливый хруст, здоровяк вопит и отскакивает прочь, держа изогнутую под неестественным углом кисть на весу.

Разворот, небольшое усилие, Геласий, ведомый невероятной болью в ладони, послушно бежит за противником. Секунда – и он отправляется в полет, врезаясь в вооруженного друга. Оба падают на землю, оглушенно копошась в пыли у дорожки. Рука Геласия горит огнем, судя по ощущениям с ней не все в порядке. Его товарищу досталось чуть меньше – тот всего лишь немного контужен неожиданным столкновением.

Головорез с ножом пятится, помахивая оружием перед собой.

– Убери, а то порежешься, – насмешливо советует Нергал.

Громила быстро перекидывает клинок в левую руку, а правой судорожно пытается вытащить пулевик, как назло застрявший в кобуре. Рихтер медленно подходит, не спуская ироничного взгляда с дерганных движений охранника.

– Какого черта тут происходит! – гневный окрик заставляет всех остановиться.

Повернув голову в сторону усадьбы, Нергал видит миниатюрную хозяйку, Валерию Готти собственной персоной.

Женщина, одетая в домашний костюм, смотрится довольно забавно, когда кипит от негодования и упирает сжатые кулаки в бока. Валерия умудрилась при этом сохранить грозный взгляд, не обещающий ничего хорошего участникам потасовки. Изогнутые брови красотики сошлись к переносице, курносый нос задорно вздернулся, чувственные губы сжались в узкие полоски. Завитушки волос рассыпались по плечам, зеленые глаза стреляли неподдельной яростью.

Геласий при всем желании не мог ответить ничего вразумительно. Мужчина крутил головой, стараясь сориентироваться и кое-как подняться на ноги. Заговорил гигант со сломанной кистью. Он указал на Рихтера целой конечностью и заскулил жалобно, будто ребенок, пересказывающий матери несправедливые обиды.

– Тут вот приперся один... Пришлось осадить бродягу... А он вот чего...

– Вы что, идиоты?! – голос Бандитки, казалось, мог в этот момент испепелять, – Не видите, кто перед вами?! Придурки, вам еще повезло, что все живы остались!

– Кто-кто... с виду – обычный олень... – плаксиво пробормотал бугай.

Валерия глубоко вздохнула, а потом из чудного ротика изящной фрейлин полилась черная брань. Она склоняла громил по всем падежам, поднимаясь по родословной до четвертого колена, а после опускаясь к вероятным детям и внукам, в существовании коих, учитывая умственные способности бедолаг, хозяйка выражала сильнейшее сомнение.

Нергал наблюдал за разносом со спокойной душой. Все правильно – молодняк нужно воспитывать. Особенно, если представился такой удобный случай мокнуть здоровенных громил рожицей в собственное дерьмо. Только такие уроки и запоминаются дольше всего, в идеале – на всю жизнь.

Выдохшись, Валерия повернулась к Рихтеру. Личико красотики мгновенно стало спокойным и приветливым.

– Прошу извинить за эту маленькую сцену, – учтиво произнесла она, немного склоняя голову.

– Ничего-ничего. Я не в обиде, – заметил Нергал.

– Прошу в дом!

Женщина ухватила гостя под руку, увлекая его за собой. Пара скрылась за роскошной дверью, оставив четверых незадачливых охранников зализывать раны.

Гостиная Готти почти не поменялась за прошедшее время. То же обилие мягкой мебели и картин, тот же уют и комфорт. Барная стойка, приглашающая пропустить стаканчик-другой, стройные ряды бутылок, висящие грозди бокалов, пивные краны...

Хозяйка плеснула себе сока. Кинув вопросительный взгляд на гостя, наполнила его бокал чистой водой.

– Я думала, ты погиб, – как о чем-то само-собой разумеющемся сказала Валерия.

– Все так думают...

Нергал опустил на высокий табурет, пригубив предложенную жидкость.

– Зачем ты вернулся? – простой вопрос содержал в себе множество едва уловимых граней.

Женщина беспокоилась... За себя, за Семью, за устоявшийся порядок вещей. Меньше всего ей хотелось повторения событий десятилетней давности.

– Соскучился... – усмехнулся Нергал.

– Я очень рада, что не по мне, – с некоторым напряжением заметила Готти.

Собеседники негромко рассмеялись. Рихтер искал взгляд Валерии, но та упорно отводила глаза.

– Ты изменился...

– Ты тоже.

– Не я, времена меняются. Теперь гангстеры не в почете... Семья работает легально, не нарушая закон. Мы никого не крышуем, не трясем, не убиваем. Да что там... Я замужем за депутатом! Ты можешь себе представить? Скажи мне кто такое лет пять назад – подняла бы на смех, а то и побила...

– А остальные?

– Везде так... Рино навел порядок железной рукой. Теперь стало гораздо выгоднее работать «по-белому».

– Что гильдия?

Валерия поморщилась. Красотка вскинула правую руку, медленно закатав мягкий рукав пижамы. На белом предплечье блестела девственно чистая кожа, без всяких следов любого вмешательства.

– Свести дерево Иггдрасиль стоило целого состояния... – со злостью фыркнула она, – Но на убийц идет настоящая охота! Не советую светить своими пятью звездами. Теперь это не почетный знак, а клеймо...

Нергал с грустной улыбкой задрал рукав плаща, демонстрируя смуглую кожу без единой тату.

– Хорошо, что у меня подобной проблемы нет, – усмехнулся бывший ассасин.

Валерия тяжело вздохнула, убирая пустые бокалы в раковину.

– Ты ведь пришел не просто так, поболтать о былом и послушать байки, – раздосадовано произнесла женщина, – Что тебе нужно?

– Деньги. Новые документы, – Рихтер ответил сразу, не задумываясь.

Хозяйка усмехнулась, впервые глянув в лицо мужчине. В ее глазах блеснули ехидные огоньки.

– А с чего бы это мне тебе помогать? – удивленно поинтересовалась она.

– По старой памяти, – спокойно заметил Нергал, – К тому же, за тобой должок...

Женщина изумленно вскинула брови, прокручивая в уме давно прошедшие события.

– Что ты...

– В тот раз, дав информацию о резиденции Кроу, ты ничего не упомянула о древнем вампире, едва не выпустившем мне кишки.

– Да мы и сами о нем ничего не знали!

– А разве это что-то меняет? – изумился убийца.

– А то, что Семья вытащила тебя с того света, когда ты приперся умирать под дверь, весь в крови с головы до ног? Это для тебя ничего не значит? – в голосе Валерии прорезалась злость и страстный напор.

– Я благодарю Семью Готти за жест доброй воли, – как ни в чем не бывало парировал Рихтер.

Бандитка покачала головой, поражаясь непробиваемости Нергала. Она шагнула к шкафчику, скрипнул выдвижной ящик, ладонь вытащила из внутренностей увесистую пачку денег. Небрежным жестом Валерия отправила ее в полет, Рихтер поймал подарок, непринужденно убрав его во внутренний карман.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.